

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-180-227

УДК 821.161.1

«В Москве не с кем говорить о Лермонтове»: Переписка Э.Г. Герштейн и Б.М. Эйхенбаума

© 2019, А.С. Крюков, Н.А. Тархова

Аннотация: Переписка Эммы Григорьевны Герштейн (1903–2002) и Бориса Михайловича Эйхенбаума (1886–1959) впервые вводится в научный оборот и важна как для характеристики личностей и научных методов этих ученых-филологов, так и для дополнения истории отечественного литературоведения советского периода. Переписка, продолжавшаяся больше двадцати лет, является собой интересный документ, в котором отразились многие стороны жизни его авторов, прежде всего их глубокий научный интерес к жизни и творчеству М.Ю. Лермонтова. Переписка знакомит со многими обстоятельствами жизни ее участников, содержит сведения о событиях научной жизни Москвы и Ленинграда, о коллегах-филологах, о подготовке к изданию книг и статей, о работе над выставками и о знакомстве с архивами прошлых лет. Письма Э.Г. Герштейн обнаруживают, как постепенно происходило становление глубокого исследователя творчества Лермонтова, шедшего своим путем в филологии и имевшего собственный исследовательский голос. Совокупность фактов, событий, отдельных черт давала ей возможность реконструировать многие реалии творческой жизни Лермонтова, по-новому трактовать содержание произведений, уточнять даты, прояснять отношения с людьми. Как правило, Герштейн обращается к Эйхенбауму с вопросами и проблемами, касающимися ее работы над лермонтовской темой, письма Эйхенбаума носят, за немногими исключениями, ответный характер.

Ключевые слова: Э.Г. Герштейн, Б.М. Эйхенбаум, история литературоведения, М.Ю. Лермонтов, «кружок 16-ти».

Информация об авторах: Александр Самуилович Крюков, д.ф.н., профессор, ВГПУ, Воронеж, Россия. E-mail: litfact@gmail.com

Надежда Александровна Тархова, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: speranza09@yandex.ru

Цитирование: Крюков А.С., Тархова Н.А. «В Москве не с кем говорить о Лермонтове»: Переписка Э.Г. Герштейн и Б.М. Эйхенбаума // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 180–227. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-180-227

Переписка Эммы Григорьевны Герштейн (1903–2002) и Бориса Михайловича Эйхенбаума (1886–1959), двух замечательных ученых, продолжалась больше двадцати лет, с 1936 по 1959 г. Это интереснейший документ, в котором отразились многие стороны жизни его авторов, прежде всего — их глубокий научный интерес к жизни и творчеству М.Ю. Лермонтова.

Как всякая переписка, это документ времени, и внимательный взгляд сумеет различить в сдержанных и, казалось бы, сугубо информативных, не выходящих за пределы обсуждаемой темы посланиях многие черты российской жизни, достаточно сложной и драматичной.

Переписка дает представление о личностях ее участников, знакомит со многими обстоятельствами их жизни, почти всегда нелегкой, а временами очень жестокой, содержит сведения о событиях научной жизни Москвы и Ленинграда, о коллегах-филологах, о подготовке к изданию книг и статей, о работе над выставками и знакомстве с архивами прошлых лет. Но прежде всего переписка представляет авторов в научном общении, и этот ее центральный аспект особенно интересен.

«Ведет» в переписке Эмма Григорьевна: она ее начала, ей принадлежит вдвое больше писем, она в переписке поначалу «ученица». Как правило, Герштейн обращается к Борису Михайловичу с вопросами и проблемами, касающимися ее работы над лермонтовской темой; письма Эйхенбаума носят, за немногими исключениями, ответный характер.

Отношения ученых двух поколений, старшего и младшего, ученика и наставника, раскрываются в письмах очень содержательно и симпатично: помощь и заботы со стороны старшего, любовь, почтение и благодарность в ответ. Письма Герштейн обнаруживают, как постепенно, год за годом, от одной работы к другой происходит становление интересного исследователя творчества Лермонтова, идущего своим путем в филологии, обретающего собственный исследовательский голос.

С другой стороны, переписка освещает достаточно драматичную и грустную картину того, как трудно складывалась судьба Герштейн-ученого. Ее осязаемое одиночество среди московских филологов и в научном мире вообще, неудача с защитой диссертации, сложности при издании книг, неосуществившееся желание переехать в Ленинград и работать в Пушкинском Доме — всё это становится вполне внятным из ее писем. В ее судьбе письма Эйхенбаума значили очень много: они постепенно утрачивали свой наставнический,

хотя всегда дружеский, тон и становились письмами собеседника и заботливого друга, обсуждающего на равных интересующие обоих научные темы, приходящего на помощь в критических ситуациях.

Когда в декабре 1935 г. состоялась их встреча, Борис Михайлович уже давно был маститым и знаменитым ученым, одним из основателей русской формальной школы, автором более десяти книг, посвященных теории и истории литературы («Мелодика стиха», «Сквозь литературу», «Теория формального метода», «Литература. Теория, критика, полемика») и творчеству отдельных писателей — Л.Н. Толстого, А.А. Ахматовой, Н.С. Лескова, О. Генри, М.Ю. Лермонтова, причем интерес к Толстому и Лермонтову в его ученых занятиях преобладал. Он был тогда сотрудником Пушкинского Дома и профессором Ленинградского университета.

Эмма Григорьевна жила в Москве довольно трудной жизнью. «Не вписавшись в эпоху», она после окончания университета не имела постоянной и интересной для себя работы, служила в разных учреждениях, часто подвергалась сокращениям, временами бедствовала. С середины 1930-х гг., работая по договору, разбирала рукописные фонды Литературного и Исторического музеев, а позже и Рукописного отдела Библиотеки им. Ленина. Она начинала заниматься творчеством Н.С. Гумилева, своего любимого поэта, но скоро поняла, что исчерпала все доступные возможности: книги и статьи были прочитаны, а получить архивные материалы в силу известных причин было невозможно.

Знакомство со статьей Эйхенбаума «Основные проблемы изучения Лермонтова»¹, в которой автор обозначил все «белые пятна» биографии писателя и наметил совсем новые, нетрадиционные пути в изучении его творчества и жизни, подвигло Герштейн обратиться к ученому.

При встрече Борис Михайлович предложил Эмме Григорьевне заняться одной из совсем не исследованных тем биографии Лермонтова. Позднее в «Мемуарах» Э.Г. писала об этом событии, кардинально изменившем ее жизнь: «<Эйхенбаума> не смутила моя неискушенность в исследовательской работе, не отпугнуло отсутствие у меня навыков библиографической работы. Он сразу предложил мне заняться розысками материалов о “кружке шестнадцати”, участником которого был Лермонтов. Кроме самого этого факта, о “шестнадцати” ничего больше не было известно. “Как же к этому подступиться?” — сомневалась я. “Очень просто: вначале нужно по-

¹ Литературная учеба. 1935. № 6.

копаться в именных указателях ‘Русской старины’, ‘Русского Архива’, ‘Исторического вестника’ и т.п. изданиях, затем сделать выборки из ‘Библиографического словаря’, а там пойдет само”, — любезно объяснил Борис Михайлович².

Начавши почти с нуля, Эмма Григорьевна собрала материал, который не только давал представление о «кружке шестнадцати» как реальном сообществе молодых петербуржцев конца 1830 — начала 1840-х гг., но и позволил считать участие в нем Лермонтова существенным фактом его биографии. Переписка открывается письмом, в котором Герштейн «отчиталась» за первый месяц работы над темой, и отчет впечатляет: это список прочитанных и просмотренных статей в периодических изданиях на 11 страницах.

А через два года собранные материалы давали достаточное представление о людях, составивших «кружок шестнадцати», и Эмма Григорьевна предложила сделать их достоянием лермонтоведов, т.е. выступить перед ними с сообщением о своей работе. Два ее доклада о «кружке шестнадцати» в Москве (ИМЛИ, май 1938 г.) и в Ленинграде (Пушкинский Дом, январь 1939 г.), состоявшиеся по рекомендации Эйхенбаума, положили начало ее пути в литературоведении.

И дальше, на протяжении многих лет, она подробно рассказывает в письмах Борису Михайловичу о своих работах и публикациях, поисках и находках архивных материалов, открытиях в биографии Лермонтова, замыслах статей и книг, работе над диссертацией, которую так и не удалось защитить, участии в подготовке лермонтовских томов «Литературного наследства» и юбилейной Лермонтовской выставки в 1941 г. Письма ее носят доверительный характер: очевидно, что участники переписки близки по научным воззрениям и по-человечески сочувствуют друг другу в понимании многих явлений современной им научной жизни. Особое место занимают в переписке отзвуки войны, ленинградской блокады, связанные с ними человеческие трагедии.

Весьма существенное значение переписки заключается в том, что она дает нечастую возможность следить за становлением ученого на протяжении нескольких лет. Письма Герштейн постепенно, шаг за шагом, письмо за письмом, раскрывают ее подход к анализируемому материалу, дают наглядное представление о методе ее работы. Она не одно десятилетие занималась биографией Лермонтова, и ее исследовательские навыки складывались именно в этой работе. Ей всегда было необходимо иметь правильное и, по возможности,

² Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998. С. 226.

полное представление об эпохе и об окружении своего героя, знать в подробностях жизнь тех, о ком пишет, представлять их характеры, привычки и интересы. Совокупность фактов, событий, отдельных черт давала ей возможность реконструировать многие реалии творческой жизни Лермонтова, по-новому трактовать содержание произведений, уточнять даты, прояснять отношения с людьми.

Некоторое представление о ее подходе к материалам и документам прошлого дает, к примеру, письмо от 27 мая 1939 г., в котором содержится сообщение о найденных ею мемуарах кн. М.Б. Лобанова-Ростовского. Подвергая документ достаточно критической оценке, отдавая себе отчет в том, что существенного о Лермонтове и его круге этот мемуарист сумел рассказать мало, Эмма Григорьевна, тем не менее, и в этих воспоминаниях обозначает достаточно полезный для своей работы слой информации: «Если напечатать эти воспоминания в виде связного повествования, то получится документ эпохи, из которого мы извлечем много сведений об окружении Лермонтова, о Васильчикове, Монго, Кс<аверии> Браницк<ом> и почти всех уч<астниках> “кр<ужка> 16”, вплотную подойдем к нравам петербургской молодежи, что важно и для оценки поведения Лермонтова на обоих <sic!> дуэлях».

Почти каждая новая статья Герштейн поражала читателей глубоким проникновением в прошлую российскую жизнь, обилием привлеченного материала, оригинальностью его подачи и трактовки. Вот что писал К.И. Чуковский по прочтении статьи о неизвестной рукописи А.В. Дружинина³: «Я в восторге от Вашей статьи: умная, тонкая, свежая. Я уже не говорю о материале: материал первоклассный — но ведь другой Лермонтовед подал бы его топорно, уныло, бездарно. У Вас каждая строчка как в раме — изящная, прочная.

Весь Ваш комментарий — классический, и я готов сказать, что он даже интереснее и ценнее, чем самый материал. Какой Вы однако молодец! Прелестна характеристика Дорохова, хорошо об А.В. Дружинине, и я лучше других знаю, сколько скрыто за этой легкой (с таким свободным дыханием) статьей — каторжного труда и эрудиции»⁴.

Этот подход к исследованию сохранялся у Э.Г. всю жизнь — в статьях об Ахматовой и Гумилеве, о Мандельштаме и Пастернаке, в многочисленных статьях и книгах о Лермонтове и о гибели Пуш-

³ Новый источник для биографии Лермонтова. Неизвестная рукопись А.В. Дружинина / Статья и публ. Э.Г. Герштейн // ЛН. Т. 67: Революционные демократы: Новые материалы. М., 1959. С. 615–644

⁴ Письмо от марта 1958 г. // ОР РГБ. Ф. 641. Карт. 3. Ед. хр. 36. Л. 6–6об.

кина... Хочется сослаться еще раз на Чуковского, так чутко воспринимавшего те новые приемы и качества, что привнесла Э.Г. в свою исследовательскую работу. После выхода из печати статьи «Вокруг гибели Пушкина»⁵ Чуковский писал Э.Г.: «Статья Ваша — чудесный комментарий к лермонтовскому “На смерть поэта”. Вы первая указали точный адрес этого стихотворения. Вообще Ваш исследовательский дар (Ваше великолепное умение проникать в самые недра старинных событий) здесь развернуто с необычайной силой. Каждая страница нова и нельзя не восхищаться искусством, с которым Вы дознаетесь, кто такой “Бархат” или разрушаете легенду Строганова. Ваша сверка дневников Александры Федоровны с ее письмами к Бобринской — торжество Вашего научного метода.

Вообще статья Ваша — событие. Ни одна работа, посвященная Пушкину и Лермонтову, не может обойтись без нее. Весь колоссальный и кропотливый Ваш труд остался за кулисами, а на сцене — изящный и легкий очерк, стоящий многих томов»⁶.

Цитаты из писем К.И. Чуковского, посвященные статьям Герштейн, как бы завершают «сюжетную линию» чрезвычайно содержательной и интересной переписки с Эйхенбаумом, в которой наряду со многими перечисленными выше качествами необычайно полно и подробно отражен процесс развития и становления одного из интереснейших и оригинальных филологов прошлого века.

22 письма Герштейн хранятся в РГАЛИ (Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 380; Оп. 2. Ед. хр. 127), 12 писем Эйхенбаума — в ОР РГБ (Ф. 641. Карт. 3. Ед. хр. 37).

Переписка Э.Г. Герштейн и Б.М. Эйхенбаума (1936–1959)

1. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 11 января 1936 г.

Уважаемый Борис Михайлович!

Прошел месяц после разговора нашего с Вами о моей работе над Лермонтовым¹. Я была трудолюбива, но толку как будто бы мало. Ничего нового я не обнаружила.

Мною обследовано большинство опубликованного материала, указанного в различных источниках на интересующих нас лиц, отдельно просмотрен «Русский Архив» и «Исторический Вест-

⁵ Новый мир. 1962. № 2. С. 211–226.

⁶ ОР РГБ. Ф. 641. Карт. 3. Ед. хр. 36. Л. 8–8об.

ник», «Критическое обозрение» за несколько лет (смотрела статьи о Лермонтове, упоминания имен известных нам членов «кружка 16-ти»², воспоминания кавказцев). Я не трогала еще «Русский Вестник», «Голос» и др., к сожалению, они не имеют систематических указателей.

Я считаю, что такая обследовательская работа мною только начата, но параллельно мне хотелось бы уже пощупать и архивы. Ведь прежде чем я смогу с уверенностью сказать, что мною исчерпан весь печатный материал, пройдет очень много времени, а между тем архивы могли бы, вероятно, и до этого многое разъяснить и вскрыть. К тому же в процессе работы возникают разные догадки, хотелось бы их тут же проверять поглубже.

Прежде всего я хотела бы, конечно, найти основное — дневник Ю.Ф. Самарина³, — он должен сохраниться в «Семейном Архиве Самариных». Несомненно, он сейчас находится в одном из московских архивов.

Хотелось бы мне разыскать ненапечатанный «Голосом» в 1866 г. ответ Гагарина Самарину на его полемические статьи в «Дне». Я почти уверена, что в этом ответе должны быть какие-нибудь намеки на личные взаимоотношения.

Обо всех интересующих нас лицах я за неимением другого находила сведения об их родовых имениях, семьях, местах погребения, по возможности, наследниках, чтобы по этим следам находить, где может находиться их переписка, если таковая имеется. Стараюсь находить фактические биографические сведения — где, кто, когда находился. Для нас неудобно только то, что некоторые из них жили долго, а с Лермонтовым сталкивались в ранней юности.

На всякий случай, посылаю Вам сводку сделанного мной⁴, может быть, какие-нибудь детали окажутся для Вас интересными, но я думаю, что всё мною прочитанное Вам знакомо, а многого не хватает. В дальнейшем я пришлю Вам полную библиографию.

Не откажите в любезности сообщить мне Ваше мнение, то ли я делаю, что нужно, и посоветуйте мне, что делать дальше. Если Вы не раздумали, пришлите мне, пожалуйста, записки в архивы и в Литературный музей (переехавший в новое помещение), как Вы мне обещали при нашем свидании.

С приветом

Э Герштейн

11/1—1936 г.

Москва, 54, Щипок, д. 6/8, кв. 67

Эмма Григорьевна Герштейн.

P.S. Организуемый институт литературы им. Горького⁵ тоже имеет уже архив, в частности, им на днях куплен большой иностранный архив, только не знаю какой.

¹ Встреча состоялась в декабре 1935 г. в Москве по просьбе Герштейн, в доме Мандельштамов (см.: *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998. С. 225–226). Свообразный отчет Э.Г. о своей работе объясняется тем, что именно Б.М. при знакомстве предложил ей заняться разысканиями о «кружке шестнадцати», известном тогда в лермонтоведении только по названию.

² Содружество аристократической молодежи Петербурга, к которому в 1838–1840 гг. принадлежал Лермонтов; назван по числу входивших в него членов, однако не все их имена известны, достоверными считаются 11 имен: гр. К.В. Браницкий-Корчак (1814–1879), П.А. Валуев (1815–1890), кн. И.С. Гагарин (1814–1882), кн. Б.Д. Голицын (1819–78), кн. А.Н. Долгорукий (1819–1842), кн. С.В. Долгорукий (1820–1853), Н.А. Жерве (1808–1841), Ф.И. Паскевич (1823–1903), А.А. Столыпин (Монго) (1816–1858), бар. Д.П. Фредерикс (1818–1844), гр. А.П. Шувалов (1816–1876); возможно, членами кружка были кн. А.И. Васильчиков (1818–1881) и кн. Г.Г. Гагарин (1810–1893). Материалы о «кружке шестнадцати» опубликованы Э.Г. в статье: Лермонтов и «кружок шестнадцати» // Лит. критик. 1940. Кн. 9–10, сент.–окт. С. 222–249.

³ Самарин Юрий Федорович (1810–1876) — философ, историк, публицист; встречался с Лермонтовым и оставил воспоминания о нем.

⁴ К письму приложен «Список упоминаний о кружке шестнадцати в литературе» на 11 листах, сведения в нем приведены по персоналиям: Жерве, Фредерикс, А. Долгорукий, С. Долгорукий, Шувалов, Столыпин, Валуев, Гагарин, Самарин, Васильчиков (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 3–13).

⁵ Современный Институт мировой литературы (ИМЛИ) РАН им. А.М. Горького в Москве.

2. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 1 февраля 1938 г.

Глубокоуважаемый Борис Михайлович!

До меня дошли сведения, что в Ленинграде под Вашим руководством при Институте литературы Акад<емии> наук¹ работают бригады по изучению Лермонтова. Меня кровно интересует — поставлена ли в план работ этих бригад проблема «кружка шестнадцати». Сделано ли что-либо новое по этому вопросу? Не найдете ли Вы уместным приведение в известность моих материалов? Мне кажется, что собранные мною фактические данные могут лечь в основу дальнейших исследований по этой теме. Я медлила с их публикацией, т.к. всё рассчитывала, что мне откроются другие архивы, благодаря которым я смогу сделать законченную, более насыщенную содержанием работу. Но мне — одиночке — почти невозможно заставить Центроархив² разобрать нужные фонды. Поэтому я отложила свою

работу до более благоприятного времени. Сейчас это время как будто наступает. В Литературном музее, например, готовят ряд выставок по Лермонтову и просят у меня сведений о «кружке 16-ти», чтобы использовать их на своих выставках. Это обстоятельство заставило меня подумать об опубликовании тех сведений, которые у меня имеются. К сожалению, мои материалы очень трудно оформить в цельную статью, поэтому мне пришло в голову: нельзя ли сделать мне сообщение у Вас в Ленинграде, озаглавив его «Некоторые новые данные о членах “кружка 16-ти”».

Когда я в прошлом году была в Ленинграде, Вы мне говорили, что А<кадемия> н<аук> (или соответствующая комиссия) могла бы меня вызвать для такого сообщения, если сочтет целесообразным выслушать мой доклад. Находите ли Вы это возможным сейчас?

Я позволяю себе беспокоить Вас, потому что мне кажется, что помещение моих материалов в каком-нибудь московском журнале гораздо менее целесообразно, чем деловое обсуждение их специалистами, непосредственно занимающимися Лермонтовым. Я очень надеюсь, что, несмотря на всю Вашу занятость, Вы сообщите мне Ваш ответ в ближайшем времени, а я пока займусь окончательным оформлением своих материалов.

Уважающая Вас

Э. Герштейн

Москва, 54. Щипок, д. 6/8, кв. 67.

P.S. Считаю уместным сообщить здесь некоторые сведения о себе. Я работаю в Отд<еле> рукоп<исей> Всес<оюзной> библи<отеки> им. Ленина³ по договору (разбираю и обрабатываю архивы С.М. Соловьева (историка)⁴ и Елагиных⁵). Опубликовала в 1-м № «30 дней» 1938 г. письмо Некрасова к Соловьеву в статейке «Русская история в “Современнике” Некрасова». Включена в проект коллек<тивного> договора Лен<инской> библи<отеки> (отд<ел> рукописей) с «Литерат<урным> наследством» на публикацию Герценовских материалов.

¹ Имеется в виду Пушкинский Дом, нынешний ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

² Центральное архивное управление СССР.

³ Государственная библиотека им. В.И. Ленина (ГБЛ), ныне Российская государственная библиотека (РГБ).

⁴ Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) — историк, академик.

⁵ Семья Авдотьи (Евдокии) Петровны (урожд. Юшковой, по первому мужу Киреевской, 1789–1877), и Алексея Андреевича (1790–1846) Елагиных.

3. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва. 1938, апрель?>.

Глубокоуважаемый Борис Михайлович!

К сожалению, я несвоевременно узнала, что Вы были в Москве, и не успела Вас разыскать.

Я хотела Вас поблагодарить за оказанное мне внимание — указание на мою работу секции Лермонтова ин<ститу>та им. Горького.

Мое сообщение в Инст<итуте> им. Горького о результатах розысканий по «кружку 16» назначено на 9 мая¹. Мне было бы очень важно и интересно, если бы Вы могли присутствовать на этом заседании, но не знаю, будете ли Вы опять в Москве.

Уважающая Вас

Э. Герштейн

Датируется на основании сообщения о дате доклада Э.Г. и ответного письма Б.М.

¹ В «Мемуарах» Э.Г. ошибочно называет датой своего выступления 9 апреля (*Герштейн Э. Мемуары. С. 255*).

4. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 4 мая 1938 г.

Дорогая Эмма Григорьевна!

Простите, что так и не ответил на Ваше письмо по поводу Лермонтовской комиссии. Я колебался, п<отому> ч<то> у нас создалось какое-то критическое и настороженное отношение к вопросу о «кружке 16», а Ваш материал боковой. Очень рад, что Вы будете читать в Москве — это правильнее.

Очень жалею, что не смогу приехать: страшно занят. Я не пытался найти Вас, когда был в Москве, п<отому> ч<то> целые дни сидел на совещании и очень устал.

Желаю Вам успеха!

Б. Эйхенбаум

5. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 27 декабря 1938 г.

Уважаемая Эмма Григорьевна!

Обращаюсь к Вам с деловым предложением. Не хотите ли Вы прочитать доклад в Лермонтовской комиссии Института Литературы о кружке 16? Я переговорил с администрацией Института: Вам будет оплачен проезд в оба конца. Если нужно, могут выслать Вам аванс.

Мы просили бы Вас приехать в январе, чтобы назначить собрание комиссии числа 20, 21 или 22-го. Какой день Вам удобнее? Можно немного позднее — 25 или 26¹.

Ответьте мне срочно (хорошо бы телеграммой или спешным письмом), согласны ли Вы, в какой день и нужно ли высылать аванс. Правильно ли будет озаглавить Ваш доклад «Друзья Лермонтова по кружку 16»?

Жду Вашего ответа.

Б. Эйхенбаум

Канал Грибоедова, № 9, кв. 48

¹ Доклад Герштейн «Лермонтов и кружок шестнадцати» состоялся в Пушкинском Доме 25 января 1939 г. См. приглашение на него, присланное Л.Б. Модзалевскому: «25-го января с.г. в Институте Литературы АН СССР (Тучкова наб., 2) состоится 12 заседание Лермонтовской комиссии ИЛИ. Порядок дня: Доклад Э.Г. Герштейн “Лермонтов и кружок шестнадцати”. Начало — ровно в 7 ч. 30 мин. веч.» (ОР РГБ. Ф. 641. Карг. 3. Ед. хр. 37. Л. 4).

б. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 27 мая 1939 г.

Уважаемый Борис Михайлович!

Мне удалось найти большую рукопись в 700 стр. — воспоминания одного из современников Лермонтова, приятеля гр. Гагарина, Браницкого, Сергея Долгорукова, Шуваловых и др.¹ Я предложила «Литературному» наследству» опубликовать их в сокращенном виде в лермонтовском томе². Ввиду того, что над этой рукописью требуется длительная работа (одна перепечатка ее займет месяц), я уже сейчас обращаюсь к Вам, как к редактору лермонтовского тома, чтобы получить Ваше принципиальное согласие на помещение такого рода материала в данном томе.

Недостаток этих воспоминаний в том, что они односторонни и поверхностны, написаны не для печати и изобилуют интимными подробностями. Достоинство то, что они безусловно достоверны.

Автор молодой человек княжеского рода, двоюродный брат Воронцовой-Дашковой³, жил в Петербурге в 1830–40 гг. и на Кавказе с 1840 г. по 1846 г. Он пытается нарисовать портреты всех, с кем он

встречался. Ему удаются внешние портреты, но не удаются характеристики. Хотя он был приятелем Браницкого, Шувалова, Серг<ея> Долгорукова и др., он, по-видимому, плохо их понимал. Воспоминания написаны в такой манере, что выдержки из них теряют всякую ценность. Даже о Лермонтове, которому он посвящает 2 страницы, нельзя опубликовать отдельный отрывок. Если напечатать эти воспоминания в виде связного повествования, то получится документ эпохи, из которого мы извлечем много сведений об окружении Лермонтова, о Васильчикове, Монго, Кс<аверии> Браниц<ом> и почти всех уч<астниках> «кр<ужка> 16», вплотную подойдем к нравам петербургской молодежи, что важно и для оценки поведения Лермонтова на обоих <sic!> дуэлях. К сожалению, автор, хотя и бывал у Баранта⁴, ничего не пишет о дуэли Лермонтова с Барантом. Но это объясняется, по-видимому, тем, что он был поглощен своей собственной глупейшей историей с неудавшейся дуэлью⁵, в которой были его секундантами Ксаверий Браницкий и Петр Шувалов. Как видите, весь материал стоит рядом с Лермонтовым, и поэтому я думаю, что стоит его напечатать.

Сообщите, пожалуйста, Ваше мнение или мне или в редакцию «Лит<ературного> насл<едства>».

Уважающая Вас

Э. Герштейн

¹ Автор найденных Э.Г. воспоминаний (архивный адрес: ОПИ ГИМ. Ф. 174. Ед. хр. 5) — кн. Михаил Борисович Лобанов-Ростовский (1819–1858), который в 1838–1840 г. жил в Петербурге и был близок с членами «кружка 16-ти». Опубликовать мемуары полностью не удалось, Э. Герштейн использовала их в статье «Дуэль Лермонтова с Барантом» (ЛН. Т. 45/46: М.Ю. Лермонтов. П. М., 1948. С. 389–432) и более полно — в книге «Судьба Лермонтова» в главе «Лермонтов и кружок шестнадцати» (М.: Сов. писатель, 1964; изд. 2-е — 1986). Отрывок, напечатанный в сборнике «Лермонтов в воспоминаниях современников» (М., 1964. С. 252), подтверждает мнение Э.Г. о низких достоинствах этого сочинения.

² Речь о готовившемся к юбилею Лермонтова первом томе ЛН, ему посвященном (ЛН. Т. 43/44).

³ По-видимому, гр. Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова, урожд. Нарышкина (1817–1856).

⁴ Эрнест Барант (Barante; 1818–1859) — атташе французского посольства в Петербурге, сын французского посланника барона А.Г.П. Баранта; дуэль его с Лермонтовым состоялась 19 февраля 1840 г.

⁵ Речь о дуэли М.Б. Лобанова-Ростовского зимой 1839–1840 г. с кн. Львом Гагариным, которая не состоялась из-за доноса П.В. Долгорукого в III Отделение.

7. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 24 января 1940 г.

Уважаемый Борис Михайлович!

На днях поступит в продажу лермонтовский сборник Ленинск-ой библиотеки (Государственной библиотеки СССР им. Ленина): М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. (Соцэкгиз. 1939). Вероятно, Вы его получите. В нем помещена статья В.С. Нечаевой¹ «К истории текста стихотворения “Валерик”»².

В том случае, если Вы решите отвечать на эту статью, мне бы хотелось поделиться с Вами некоторыми своими наблюдениями и соображениями, возникшими у меня еще тогда, когда я собирала материал о Лермонтове и Самарине и обращалась к сочинениям и архиву Самарина. Может быть, эти материалы окажутся Вам полезными, если они не находятся у Вас под рукой.

В XII т. сочинений Самарина (М. 1911) на стр. 78 опубликовано письмо Самарина к Погодину³, датированное редактором издания 1842 г. <одом>: «...Князь Голицын привез с Кавказа стихотворение Лермонтова — описание дела с горцами под Валериком. Я выхлопотал его для “Москвитянина”».

Очевидно, до 1842 г. у Самарина не было этого стихотворения. Трудно предположить, чтобы Самарин не упомянул бы о нем в своем дневнике 1841 г. Как известно, здесь он подробно описал свои встречи с Лермонтовым: «Мы долго разговаривали, он показывал мне свои рисунки. Воспоминания Кавказа его оживили. Помню его поэтический рассказ о деле с горцами, где ранен Трубецкой⁴...», — после этого описание неожиданного прихода Лермонтова со «Спором». По-видимому, Самарин даже не знал, что дело, в котором участвовали Лермонтов и Трубецкой, было при Валерике. Рисунки были, поэтический рассказ был, стихотворение «Спор» было, а стихов «Я к вам пишу...», очевидно, еще не было. Не следует ли вообще его датировать 1841 годом?

Если бы Нечаева взяла XII том сочинений Самарина, то она бы прочла и то, что Лермонтов с Самариним «немало провел времени в Москве» (выражение Нечаевой) не «во время своего последнего путешествия с Кавказа на Север», а во время последнего проезда из Петербурга на Кавказ. В первый проезд через Москву в 1841 г. Самарин встретился с Лермонтовым у Россети⁵ один раз. Незнание этой записи Нечаевой тем более удивительно, что в этом же сборнике в моей публикации неизданного отрывка из дневника Са-

марина (стр. 69) есть ссылка на напечатанную часть, а подлинник хранится в том же архиве Самариных в отд<еле> рукописей.

Очень жаль, что в «Сборнике» не помещены фотоснимки со списка «Валерик», с обложек списка и «Спора», с пометой «подарено автором», и с почерка Самарина. Тогда можно было бы проверить, действительно ли надписи сделаны рукой Ю.Ф. Самарина. Вернее предположить, что эти надписи, так же, как и обложки, сделаны кем-то из наследников Самарина. Очень важно также установить, чьей рукой сделан список, по утверждению Нечаевой, не писарской рукой. Не Голицыным ли? (Вероятно, кн. Валер<ьян> Мих<айло>вич Голицын⁶, декабрист, к<оторы>й, по свидетельству Лорера⁷ в [1842 г.?], вернулся с Кавказа на родину и был в Пятигорске в июле 1841 г. («Из памятной книжки Е.И. Раевской». Рус<ский> Арх<ив> 1883. Т. 1. С. 211)⁸. А может быть, другой Голицын?

Может быть, черновой автограф подарен тоже Самарину? В таком случае подарил его Арнольди⁹, вероятно в 1844 г.: в том же XII т. на стр. 145 помещено чрезвычайно любопытное письмо Самарина к К.С. Аксакову¹⁰, написанное из Петербурга 2.X.<1>844 г.: «...Кстати о литературе: один мой знакомый доставил мне бумаги Лермонтова: я нашел в них три недоконченные повести и несколько неизвестных стихотворений. Я получил право отдать их в любой журнал: дай мне совет и, пока я не напишу тебе об этом вторично, не говори никому...».

Вторичного упоминания не последовало.

В 1910 г., когда Петр Дмитриевич Самарин¹¹ готовил к печати сочинения Ю.Ф., он в неизданном примечании к этому письму (арх. Самарина Отд<ел> рукоп<исей>) записал: «До сих пор мне не удалось доискаться, какие произведения Лермонтова имеет в виду Ю.Ф. и были ли они где-нибудь напечатаны».

Как это разъясняется, Борис Михайлович? — Мне неясно.

Кстати, поскольку речь идет о материалах отдела рукописей, не пригодится ли для комментария следующее письмо Н.А. Елагина¹² к отцу:

«Люблино и Москва 18 августа [1840]

Читали ли Вы в “Отечественных Записках” стихи Лермонтова перевод из Гете¹³. — Стихи эти очень понравились Москве, и кто оттуда к нам ни приедет знает их наизусть и хвалит. Я сочинил музыку на эти стихи и они поются у нас в Люблине с утра и до вечера» (Архив Елагиных).

В Люблино (дача под Москвой) приезжали из Москвы к студентам Елагиным Аксаков, Волуев, А.Н. Попов, бр. Бакунины, Дмитриев-Мамонов и, кажется, и Иван и Петр Киреевские.

Если Вы будете в Москве в отд<еле> Рукоп<исей> проверять список «Валерик», то не заинтересует ли Вас среди многих альбомных списков стихов в архиве М.Н. Каткова¹⁴ еще один список «Я к вам пишу, случайно право...», очевидно из бумаг кн. Н.П. Шаликовой¹⁵, а может быть и позднейший (кат 5428-11).

Я его не сверяла, и помнится мне, что он меня не заинтересовал. Но на всякий случай, я Вам сообщаю.

Простите меня за длинное письмо, может быть, Вам и не нужное. Оно продиктовано чувством благородного негодования к сборнику, в к<оторо>м судьба заставила и меня принять участие. К сожалению, моя публикация¹⁶ на уровне всего сборника.

Уважающая Вас Э. Герштейн.

P.S. Пока я Вам писала это письмо, прибавилось второе дело, о котором хочу Вам рассказать.

Предложение Кирпотина¹⁷ об издании сборника всех дуэльных материалов свелось к следующему:

Инс<титу>т Лит<ерату>ры им. Горького направил письмо к Чагину¹⁸, в к<оторо>м предлагает издать такую книгу, рекомендует составителем и автором вступит<ельной> статьи меня (Иракий¹⁹ после нашего совместного с ним дружеского обсуждения отказался) и извещает издательство, что редакторами этой книги могут быть Кирпотин и Бродский²⁰, а Институт согласен поставить свою марку. Между тем, основной материал книги должен быть <в> делах ленинградского института. Я предупреждала Кирпотина и Венгрова²¹ об этом и советовала им договориться с ИЛИ АН о совместной марке. Кирпотин меня успокаивает, что всё будет сделано через юбил<ейный> к<омите>т²², но явно хочет уклониться от совместного участия с ленинградским институтом. Боюсь, что при подписании договора, это поставит меня в очень затруднительное положение, и получить для публикации копии материалов Вашего института будет трудно. С другой стороны, получив предложение от Института Горького, мне неудобно выступать слишком настойчиво в качестве защитника интересов Пушкинского Дома. В сущности меня всё это не должно касаться.

Обо всем этом мне хотелось Вас информировать.

Я была бы Вам очень признательна, если <бы> Вы выкроили время для краткого ответа мне.

¹ Вера Степановна Нечаева (1895–1979) — литературовед.

² «Валерик» («Я к вам пишу случайно; право...») — стихотворение Лермонтова, посвященное сражению с горцами на реке Валерик 11 июля 1840 г.; в журнале «Москвитянин» напечатано не было. Предположение о датировке «Валерика»

1841-м г., вопреки общепринятой дате 1840, впервые высказано Э.Г. в этом письме, а в книге «Судьба Лермонтова» (М., 1986. С. 191–193) она уверенно относит появление этого стихотворения к 1841 г.

³ Михаил Петрович Погодин (1800–1875) — историк, писатель, академик.

⁴ Кн. Сергей Васильевич Трубецкой (1815–1859) — офицер л.-гв. Кавалергардского полка, служил на Кавказе, был ранен в сражении на реке Валерик.

⁵ Александра Осиповна Смирнова, урожд. Россет (1809–1882) — жена А.М. Смирнова, близкая знакомая литераторов пушкинского круга и Лермонтова.

⁶ Кн. Валерьян Михайлович Голицын (1802–1859) — декабрист, после суда и ссылки в Сибирь был переведен на Кавказ рядовым, с 1837 г. офицер; в том же году познакомился с Лермонтовым.

⁷ Николай Иванович Лорер (1795–1873) — декабрист, после каторги служил на Кавказе.

⁸ Ошибка; нужно: РА. 1883. Т. II. С. 295 (на этой стр. — о пребывании Голицына в Пятигорске в июле 1841 г.; весь рассказ о Голицыне на стр. 294–299).

⁹ Александр Иванович Арнольди (1817–1898) — сослуживец Лермонтова по л.-гв. Гродненскому полку.

¹⁰ Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860) — один из идеологов славянофильства, публицист, историк, поэт.

¹¹ Петр Дмитриевич Самарин (1861–1916) — потомок и издатель сочинений Ю.Ф. Самарина, историк.

¹² Николай Алексеевич Елагин (1822–1876) — сын А.П. и А.А. Елагиных.

¹³ Речь о стихотворении Лермонтова «Из Гёте» («Горные вершины...»).

¹⁴ Михаил Никифорович Катков (1818–1887) — публицист, издатель журнала «Русский вестник» (с 1856) и газеты «Московские ведомости» (1850–55, 1863–87).

¹⁵ Кн. Наталья Петровна Шаликова (1815–1878) — дочь кн. П.И. Шаликова, литератора и издателя «Московских ведомостей».

¹⁶ Имеется в виду статья: Отклики современников на смерть Лермонтова: (По неопубликованным материалам архивов Елагиных, Булгаковых, Каткова и Самариных) // М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы / Гос. б-ка им. В.И. Ленина. Отд. Рукописей. М., 1939. С. 64–69).

¹⁷ Валерий Яковлевич Кирпотин (1898–1997) — литературовед, ведущий марксистский критик, руководитель юбилейного Лермонтовского комитета.

¹⁸ Петр Иванович Чагин (Болдовкин, 1898–1967) — журналист, сотрудник издательств.

¹⁹ Иракий Луарсабович Андроников (Андроникашвили, 1908–1990) — писатель, литературовед, артист.

²⁰ Николай Леонтьевич Бродский (1881–1951) — историк литературы.

²¹ Натан Венгров (наст. имя и фам. Моисей Файвелевич Вейнгрот, 1894–1962) — детский поэт, прозаик, литературный критик, педагог.

²² Государственный комитет, занимавшийся подготовкой к 100-летию со дня смерти Лермонтова (15 июля 1941 г.).

8. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 4 ноября 1940 г.

Глубокоуважаемый Борис Михайлович!

Уже довольно давно мне передал Иван Васильевич¹, что Вам нужна моя статья, напечатанная в «Альманахе»². С тех пор я тщетно пытаюсь приобрести эту книгу и поэтому всё откладывала сообщить

Вам, что у меня нет ни одного экземпляра. В редакциях «толстых» журналов совершенно не понимают, что авторам печатающихся у них научных статей нужны оттиски. Они дают один авторский экземпляр, который и украшает мою книжную полку.

На днях в 9–10 № «Литературного критика» выйдет моя старая статья «Лермонтов и кружок 16». К счастью, я теперь стала богаче и сейчас же куплю несколько экземпляров журнала, и один пришлю Вам. Очень прошу Вас извинить меня и не рассматривать неприсылку Вам той статьи, как свидетельство моего невнимания к Вам. Вы знаете, как я Вас уважаю и как бы мне хотелось услышать Ваше мнение о моих работах, в частности о последних. Здесь Н.П. Пахомов³ публично заявляет всюду, где можно, что у него имеются материалы («матерьяльчик»), разоблачающие некоторых «ретивых исследователей, придающих значение роли Терезы Бахерахт⁴ в жизни Лермонтова».

Я не перестаю жалеть, что живу в Москве, а не в Ленинграде, где могла бы участвовать в работе вашей комиссии. Это было бы для меня гораздо полезнее, чем посещение заседаний лермонтовской группы Ин<ститут>а им. Горького. Эти заседания — тяжкое испытание для таких неврастеников, как я. Мне кажется, что если бы я постоянно жила в Ленинграде, у Вас все-таки иногда находилось бы время для бесед со мною, о чем теперь я могу только мечтать. А здесь очень скучно. Единственный оазис это «Лит<ературное> наследство» в лице Ив<ана> Вас<ильевича>. И мой дорогой Иракий. Однако для настоящей творческой атмосферы этого недостаточно.

В Лермонтовском комитете бурлит грязная жизнь, я к ней не причастна, а Иракий старается хоть немного усмирить разгул мелких страстей.

Извините меня, пожалуйста, за слишком длинное письмо и за тон, который может Вам показаться фамильярным. Я потому и не решаюсь Вам никогда писать, т.к. не получила академического воспитания, а от рождения страдаю отсутствием чувства субординации.

С приветом
Уважающая Вас
Э. Герштейн

¹ Иван Васильевич Сергиевский (1905–1954) — литературовед, сотрудник редакции ЛН, который курировал оба лермонтовских тома.

² Имеется в виду статья: К вопросу о дуэли Лермонтова // Годы: Альм. [Вып.] 16. Год двадцать второй. М., 1939 [вышел в 1940]. С. 493–508.

³ Николай Павлович Пахомов (1890–1978) — литературовед и искусствовед; скептически относился к разысканиям Э.Г. о причинах дуэли Лермонтова и Баранта.

⁴ Тереза Бахерахт (Bacheracht, урожд. фон Струве, 1804–1852) — жена секретаря русского консульства Р.И. фон Бахерахта; ее неосторожные разговоры о дуэли Лермонтова с Барантом многие считали причиной высылки поэта на Кавказ в 1840 г.

9. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 25 мая 1941 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Благодарю Вас за книгу¹, я очень тронута Вашим вниманием и рада иметь книгу.

Я теперь работаю на выставке² и по этому поводу обращаюсь к Вам с некоторыми вопросами. Я была бы Вам очень обязана, если бы Вы мне ответили. Несмотря на то, что сейчас находится в Ленинграде Н.П. Анциферов³, мне бы очень хотелось получить от Вас лично ответ.

Мне очень важно знать, как Вы мыслите разработать отдел «творческая лаборатория Лермонтова». Дело в том, что показывая в моем разделе «Между двумя ссылками» основные произведения Лермонтова, я затрудняюсь тем, как мне показывать литературную борьбу и полемику, которую Лермонтов вел. Я имею в виду, главным образом, — посвящение и финал «Тамбовской казначейши», начало «Сашки» и «Сказки для детей» и другие принципиально-литературные заявления, которые проскальзывают в этих поэмах, скрытую полемику с Марлинским и разными кавказскими очерками в «Герое нашего времени» и т.п.

У художника, оформляющего наш зал — Бориса Владимировича Эндера, возникла мысль всю эту часть, совместив с Вашей «творческой лабораторией», пропустить одной выделенной полосой, проходящей по всем трем залам, и совпадающей в отдельных точках с темами отдельных стэндов (напр<имер,> под «Героем» соответственный материал). Но для меня неясно и никто не может мне разъяснить, что подразумеваете Вы под темой так называемой «творческой лаборатории», и поэтому не знаю, как можно отнестись к такому предложению.

Между тем, мне надо в ближайшие же дни сдать разработанный экспозиционный план. А вопрос о том, что давать в центр экспозиции, для меня не решен. Так, например, на одном из стэндов у меня даются «Поэт», «Не верь себе» и «Журналист, читатель и писатель». На стене мы помещаем и сами стихи, конечно, не целиком. Они сами по себе будут представлять собой экспонат. Я уже осведомлена так

же, как и большинство работников выставки, о Ваших новых, глубоких для меня интересных соображениях и догадках, относительно рисунка “Diplomatie civile et militaire”⁷⁴. Его мы тоже даем на стенку, пока не задаваясь целью особенно раскрывать связь его с «Журналистом...». Но дать картину литературных отталкиваний и преемственности Лермонтова при создании таких стихотворений, как «Поэт», я обязана. Если у меня не будет специального места для этого, я дам это чрезвычайно поверхностно и плоско. То есть, в каком-то уголку брошу книги, раскрытые на соответственных стихах Пушкина, Хомякова и т.д. Это будет названием темы, но не раскрытием ее. И вот для меня неясно, должна ли я заняться разработкой этой темы здесь на стенде и в витринке, к нему прилегающей, или она могла бы войти частью в вашу разработку (это должна буду сделать я, если вы ограничиваете себя только несколькими произведениями). Конечно, информацию о том, что Вы делаете, я получу от Н.П. Анциферова, но мне хотелось бы и узнать Ваше мнение по этому поводу. У нас на выставке столько вкусов и принципиальных установок, сколько работников. Всё это кончится в решительный момент крупной борьбой, не лишённой, по-моему, смысла и интереса.

Хочется найти такие формы, при которых широкому посетителю стало бы интересно всё то, что интересно для исследователей. Т.е. показать, что исследования имеют непосредственное живое отношение к Лермонтову, к пониманию его основного творческого и жизненного пути. А если делать из этого только подсобный аппарат, запрятанный в уголке для любителей и знатоков, то лучше от него совсем отказаться, т.к. это не удовлетворит ни знатоков, ни «публику». Одним из главных моментов для решения этого вопроса сейчас является для меня вопрос о том, как будет показана «творческая лаборатория».

Если же мне придется все-таки давать эти темы, то я очень прошу Вас дать мне указания относительно «Казначейши», «Сашки» и «Сказки». Откровенно говоря, я недостаточно хорошо знаю литературу 1837–39 гг. для того, чтобы найти прямых адресатов — программных заявлений Лермонтова. Кроме Пушкина, конечно, но это не всё. А между тем это единственный способ показать эти поэмы Лермонтова интересно и доходчиво. Хотя большинство думает, что это излишнее углубление, но это неверно.

Посоветуйте, пожалуйста, Борис Михайлович, как это сделать.

С приветом

Уважающая Вас

Э. Герштейн

¹ Скорее всего, речь о сборнике: М.Ю. Лермонтов. Стихотворения. Т. 1. Л., 1940; в нем вступительная статья Б.Э. «Художественная проблематика Лермонтова» и его комментарии.

² Речь о подготовке Всесоюзной Лермонтовской выставки к 100-летию со дня гибели поэта (к 15 июля 1841 г.). Выставка подводила итоги столетнему изучению творчества Лермонтова и отличалась новациями в демонстрации материалов, собранных из многих музеев и хранилищ страны. Располагалась в трех больших залах Исторического музея, для ее оформления были приглашены художники Н.М. Суетин, К.И. Рождественский, ученики и последователи К.С. Малевича, и Б.В. Эндер. Выставка открылась к юбилею, но 23 июля 1941 г. начались бомбардировки Москвы, и экспозицию пришлось демонтировать. Не осталось ни фотографий, ни каталога, ни отзывов в печати (см.: Герштейн Э. Мемуары. С. 286, 288–294). Выставка была восстановлена в июле 1945 г. (см. письмо 15).

³ Николай Павлович Анциферов (1889–1958) — писатель, культуролог.

⁴ Рисунок Лермонтова “Diplomatie civile et militaire” (лат. Дипломатия гражданская и военная) 1840–1841 г. представляет собой, по предположению Б.Э., иллюстрацию к стихотворению «Журналист, читатель и писатель», фигура писателя имеет портретное сходство с А.С. Хомяковым, читателя — с самим Лермонтовым. Рисунок дал исследователю основание предположить, что какие-то разговоры поэта с Хомяковым нашли отражение в стихотворении. Хранится в Российской национальной библиотеке (РНБ, Санкт-Петербург), воспроизведен: ЛН. Т. 43–44: М.Ю. Лермонтов. I. М., 1941. С. 51.

10. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

Москва, 24 мая 1942 года
Дорогой Борис Михайлович!

От всего сердца радуюсь Вашему переезду в Саратов¹. Я узнала о Вашем новом месте жительства от М.К. Азадовского², который был некоторое время в Москве, а теперь уехал в Иркутск. Я познакомилась с ним на моем докладе о дуэли Лермонтова с Барантом — я читала этот доклад в Госуд<арственном> Литературном Музее. Я была поражена видом и состоянием М.К.: как будто он и не переносил знаменитой тяжелой ленинградской зимы. Впрочем, я раньше его никогда не видала и потому не могу сравнивать его с его же прошлым обликом. Всё же его бодрый вид подает мне надежду, что и Вы вполне поправились после всех невзгод, а то я о Вас представляла уже себе всё самое худшее. Вы не поверите, как мне это было больно! Я как раз перечитывала Ваши книги о Толстом³ и часто обращаюсь к Вашей большой итоговой и проблемной статье о Лермонтове в «Литературном наследстве» (у меня, к счастью, сохранилась верстка ее от Ивана Васильевича) и, читая Ваши труды, огорчалась, что Вы никогда не удостоивали меня настоящей беседой. Подсознательно я верила, что она еще когда-нибудь состоится, но факты суровой действительности, казалось бы, говорили другое. Поэтому, когда я узнала, что

Вы благополучно выехали из Ленинграда, я воспринимала это и как торжество своей интуиции. Простите за эгоцентризм, но личное отношение всегда присоединяется к общей оценке.

К сожалению, это мое личное и общее отношение к Вам, которое мне очень хотелось Вам высказать, портится сейчас необходимостью обратиться к Вам с конкретной просьбой. Надеюсь, что она не слишком Вас затруднит. Дело в том, что обстоятельства мои сейчас очень плохи. Как спасение, я задумала подать заявление о приеме меня в члены Союза писателей. Нужны рекомендации. А кто кроме Вас может дать развернутую и объективную характеристику моих работ и моего творческого лица, как говорится.

Здесь в Москве мне не к кому обратиться, а если бы и были знающие меня люди, всё равно мне было бы очень лестно получить рекомендацию именно от Вас. Сейчас же, положение мое таково, что Ваша рекомендация может меня спасти. Мне дал рекомендацию Ираклий, но, во-первых, одной мало, а во-вторых, его рекомендация написана в таком восторженном тоне и с такими преувеличенными похвалами, что может произвести даже неприятное впечатление. Ираклий находится на Калининском фронте, а сюда приезжал на несколько дней. Его семья (Вива, Элефтер, Манана)⁴ в Тифлисе. Мать умерла, тетки и дядья тоже, а сестра находилась в Свердловске на излечении. Состояние ее было плохое. А как теперь, он не знает. Он выступал здесь по радио как автор очень хорошего очерка о партизанах — «Батя».

Я боюсь, что даже в том случае, если у Вас нет никаких принципиальных возражений против того, чтобы рекомендовать меня в Союз, Вам будет трудно написать и послать мне просимое. Я знаю, что это требует внимания и времени, которое всегда у Вас так загружено. Но все-таки я позволяю себе просить Вас сделать это, так как я крайне в этом нуждаюсь.

Мой адрес: Москва 54, Щипок 6/8, кв. 67.

Искренне Вас уважающая и любящая

Э. Герштейн

¹ Б.Э. с семьей эвакуировался в Саратов вместе с университетом в марте 1942 г., пережив в Ленинграде первую блокадную зиму, о которой писала в «Воспоминаниях об отце» дочь ученого Ольга Борисовна (впервые: *Эйхенбаум Б.* Мой современник: Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб., 2001).

² Марк Константинович Азадовский (1888–1954) — фольклорист, литературовед.

³ Нельзя с уверенностью сказать, какие именно книги Б.Э. о Толстом читала Э.Г., к тому времени их было четыре: Молодой Толстой (1922), Лев Толстой. Пятидесятые

годы (1928), Лев Толстой. Шестидесятые годы (1931), Лев Толстой. Семидесятые годы (1940).

⁴Перечислены члены семьи Андроникова — жена Вивиана Абелевна Робинзон (1910–1995), актриса; брат Элевтер Луарсабович Андроникашвили (1910–1989), физик; дочь Манана Ираклиевна Андроникова (1936–1975), искусствовед.

11. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 29 мая 1942 г.

Дорогой Борис Михайлович

Только на-днях я послала Вам заказное письмо по неопределенному адресу в Саратов, а завтра едут туда знакомые, и я прошу их передать Вам это письмо.

Я не могу повторить то, что я писала в том письме, которое было продиктовано моей искренней радостью по поводу Вашего благополучного отъезда из Ленинграда. Но оно заключало также и просьбу. Я позволю себе ее повторить, чтобы ускорить процесс.

Не могли бы Вы написать мне рекомендацию в Союз Писателей? Никто лучше Вас не может охарактеризовать меня, как лермонтоведа и в такой форме, как это требуется для того, чтобы быть принятой в члены Союза писателей. У меня имеется рекомендация Ираклия, но одной мало и нужна еще более авторитетная, а в Москве никого из знающих меня членов Союза писателей нет. Мне бы никогда не пришло в голову беспокоить Вас, если бы не острота положения, вполне понятная, вероятно, Вам.

Я сознаю, что помимо Вашего принципиального согласия рекомендовать меня, требуется еще внимание и время, чтобы составить отзыв. Я буду Вам чрезвычайно признательна, если Вы всё же урвете некоторое время на это.

Очень много хочется сказать Вам серьезного и самого главного: в дни войны еще раз всё переоценилось и отчетливее обрисовалось значение и влияние таких деятелей литературы, как Вы (для меня, по крайней мере). Всю эту зиму я очень часто и с большим беспокойством думала о Вас.

Вы, вероятно, осведомлены, что сейчас предприняты шаги к тому, чтобы вышел в свет первый лермонтовский том «Литературного наследства» — он был уже почти готов, а второй, по-видимому, наладить не удастся. Дело это поручено теперь Н.П. Пахомову, он называет себя редактором лермонтовских томов «Литературного наследства». Редакции же в Москве не существует: Зильберштейн в Ташкенте, Иван Васильевич на фронте.

Ираклий на фронте и был несколько дней недавно в Москве. Он выступал по радио — читал свой очерк о партизане «Батя», которого видел собственными глазами в тылу у немцев. Семья Ираклия в Тифлисе, мать умерла, а сестра в феврале находилась в Свердловске в больнице в тяжелом состоянии. Впрочем, возможно, что Вы всё это знаете.

Жму Вашу руку

Искренне Вас уважающая Э. Герштейн

Напоминаю о моих основных работах и статьях о Лермонтове:

«Отклики современников на смерть Лермонтова». «Лермонтов. Сборник исследовательских статей и материалов Отдела Рукописей Гос. Публ. Библ. им. Ленина» М., 1939.

«К вопросу о дуэли Лермонтова». «Альманах Год XXII» № 16. М., 1940.

«Лермонтов и кружок шестнадцати» «Литературный критик» 1940. № 9–10, а также «Жизнь и творчество Лермонтова. Сборник исследований Института Мировой Литературы им. А.М. Горького АН» М., 1941.

«Лермонтов и семейство Мартыновых»

«Дуэль Лермонтова с Барантом»

«Петербургский великосветский круг 30-х гг. по воспоминаниям кн. М.Б. Лобанова-Ростовского» (совместно с А.М. Эфросом) — три последние в производстве «Литературного» Наследства»

Статьи в газетах:

«Кружок шестнадцати» // Литературная Газета. 1939. 15 октября

«Подлая расправа» // «Известия». 1939. 14 окт.

«Новое о дуэли Лермонтова с Барантом» (Тереза Бахерахт) // «Литературная Газета». 1940. 28 июля.

Машинопись.

12. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

Саратов. 3/ VI. 1942

Дорогая Эмма Григорьевна!

Спасибо Вам за хорошее письмо. Очень рад, что Вы не только живы, но и здоровы. Мы привыкли получать из Ленинграда другого рода вести. Я здесь несколько оправился от дистрофии, но особенно похвастаться не могу — тем более, что сейчас и здесь стало значи-

тельно труднее, чем было в начале. Особенно плохо с иждивенцами, которых у меня четверо (кончая 5-летней внучкой). Боюсь, что дистрофия скоро опять усилится, а справиться с ней второй раз трудно. Сил очень мало, а между тем надвигается саратовская жара с пылью. Мы живем в самом центре: толпы народа, трамваи, машины — и пыль, пыль, пыль! К этому присоединяется тяжелое душевное состояние: «тоска изгнания». Я стараюсь работать, но это плохо удастся — тем более, что в дороге у меня украли портфель с большим материалом по Толстому (IV том), который я собрал за последние месяцы в Ленинграде. Там я работал просто экстатически — сделал за 3 месяца столько, сколько в обычное время сделал бы за целый год. Всё пропало — и восстановить это вряд ли возможно¹.

Радуюсь, что Вам, по-видимому, понравилась моя статья о Лермонтове (теперь я мог бы уже кое-что прибавить и изменить в ней), а упрека Вашего не принимаю: всегда рад был побеседовать с Вами, но встречи наши были короткие и деловые. Жизнь в разных городах в наше время сильно разобщает. Но мне почему-то казалось, что о Лермонтове мы беседовали во всю и что я делился с Вами всем, что думал. Неужели этого не было?

Как Вам нравится истолкование «Журналиста, читателя и писателя»? Теперь я еще больше убежден, что «Писатель» — не Лермонтов и что его монологи нельзя понимать как авторские признания. А как нравится Вам моя гипотеза относительно «Сашки»? Безусловно — это совершенно законченная поэма-фрагмент. Не правда ли?

Но всё это сейчас потускнело. И выйдет ли когда-нибудь это «Лит. наследство»? Не будет ли этот том сборником “*oeuvres posthumas*”²? Для некоторых это уже так и есть — Комарович³, например.

Посылаю Вам нужную для Союза Писателей бумагу. Об Ираклии я на днях узнал то самое, о чем Вы пишете — получил из Тбилиси письмо от Элевтера.

Пишите мне, пожалуйста. Это сейчас очень важно. Мой адрес: г. Саратов, Проспект Кирова, д. № 18 (б. гостиница «Россия»), комната 205.

Всего Вам хорошего!

Б. Эйхенбаум

Я вот твержу Тютчева:

Так постепенно гасну я

В однообразье нестерпимом.

¹Эту работу Б.Э. пришлось делать заново на протяжении 1940-х гг.

²посмертных произведений (*фр.*)

³ Василий Леонидович Комарович (1894–1942) — литературовед, фольклорист, историк древнерусской литературы, переводчик; его статья «Автобиографическая основа “Маскарада”» напечатана в первом Лермонтовском томе ЛН.

⁴ Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Как над горячею золой...».

13. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва. Ок. середины июля 1942 г.>

Дорогой Борис Михайлович!

Как-то Вы себя чувствуете? Не собираетесь ли уезжать? Я пишу Вам, нарочно не дожидаясь ответа, так как ни за что не хочу терять с Вами связь. Боюсь, что Вы не получили моего последнего письма, которое я послала не заказной, а простой почтой. В этом письме я благодарила Вас за рекомендацию. Я не только была Вам чрезвычайно признательна за то, что Вы сразу мне ее послали и за то, что так лестно для меня охарактеризовали мои работы, адресуя это в ССП¹, но мне лично, независимо, от пользы Вашего отзыва, было особенно важно иметь Вашу оценку. Сейчас это большая моральная поддержка. В ССП бумаги мои еще не рассматривали, но я сама в минуты уныния перечитываю Ваш отзыв и утешаюсь верой в себя, в свое и наше общее деятельное будущее.

В том же письме я подробно писала свое мнение о «Журналисте, читателе» и писателе», но сейчас повторить его не могу, т.к. в мыслях застой из-за загрузки бытовыми делами и нервозности. А насчет «Сашки» и сейчас скажу, что это одна из тех безошибочных счастливых находок, которые кажутся такими простыми и бесспорными, что удивляешься, как это можно было не заметить. Не сомневаюсь, что это навсегда войдет в «лермонтовяну» (выражаясь по-Бродскому), если только не случится так, что из всех литературоведов останется жив один Дурьлин².

Здесь в Москве литературоведов много, но никто меня не интересуется, кроме Б.В. Томашевского³, но я с ним незнакома. Говорят, что сегодня он будет читать в И<нститу>те Горького доклад «Проза Лермонтова». Повестки я не получила.

Вам передает привет Сергей Борисович Рудаков⁴. Он переведен сюда после ранения и контузии на Ленинградском фронте. Здесь он работает — как лейтенант, но полон также литературными интересами. Я с наслаждением беседую с ленинградцем.

От Ираклия кроме последней открытки от 18.V ничего не имею. Беспokoюсь о его семье.

Сообщите, ради бога, о себе
Всего Вам доброго Э. Герштейн

Датируется по штемпелю на конверте заказного письма: Москва 15.7.42 (Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 380. Л. 30).

¹ Союз советских писателей.

² Сергей Николаевич Дурьлин (1886–1954) — педагог, литературовед, религиозный писатель.

³ Борис Викторович Томашевский (1890–1957) — литературовед, пушкинист.

⁴ Сергей Борисович Рудаков (1909–1944) — поэт, литературовед; Э.Г. познакомилась с ним в середине 1930-х гг. в Воронеже, где он был в ссылке одновременно с О.Э. Мандельштамом и тесно общался с поэтом, потом встречалась в Ленинграде, а во время войны — в Москве; в «Мемуарах» Э.Г. посвятила Рудакову немало страниц.

14. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 15. VI. 1943

Дорогой Борис Михайлович!

Сегодня в газете сообщено о налете проклятых немцев на Саратов. Я сейчас же вспомнила о Вас. Надеюсь, что не Вы и Ваши близкие в числе тех раненых, о которых сообщается.

С тех пор, как Вы прислали мне Ваше единственное письмо, прошел год. Но именно теперь я собралась Вам написать большое письмо (прошлым летом я Вам послала еще 2 или 3 письма, но теперь кажется, что Вы их не получили).

Повод и внутренняя необходимость такого задуманного мной послания к Вам — лермонтовский том «Литературного наследства»¹. Выход этого тома — огромное научное событие, а для меня лично настоящий праздник. Я купаюсь в статьях этого великолепного издания, и почти всеми наслаждаюсь. Мне кажется, что ни один том «Лит. Наследства» не может похвастать такой стройностью, разносторонностью тем при внутреннем единстве основной темы, и таким почти одинаковым высоким уровнем представленных статей. Самыми высокими вершинами в этом ряду, по моему, оказываются три труда: Ваш, Штокмара и Виноградова (стиль прозы)².

Особый специфический оттенок тома должен улавливаться только теми, кто много лет занимался Лермонтовым.

Ведь здесь произошла встреча лермонтоведов с историками литературы вообще. И хотя в данном томе лермонтоведение представлено только Вашей статьей, но в ней суммировано и то, что делалось

в этой области за последние годы. Получается своеобразная, очень острая переключка и взаимный контроль. Крайний полюс не лермонтоведения, конечно, Томашевский³.

К сожалению, его статья одна из наименее удачных в томе, и мне кажется, что для него самого это неожиданное снижение. Он хотел говорить о «Герое нашего времени», а трактует только «Княжну Мэри». И так как «Тамань» и «Фаталист» лишены черт «аналитического романа», то он их зачислил в число «неорганических новелл», только обрамляющих центральную — княжну Мэри. Значит, их могло и не быть. Какая плененная мысль, какое уродование живого организма во имя ложной идеи — обязательно вывести происхождение прозы Лермонтова от французской. Очень странно. Не понимаю, как это могло случиться с таким ученым, как Томашевский. Я привыкла его глубоко читать.

Но я уже пустилась в оценку статей по существу, а хотела сделать это тогда, когда внимательно прочту всё. Сегодня же я имела намерение только поздравить Вас с выходом тома, организованного Вами и демонстрирующего блеск Пушкинского дома, т.е. Ленинграда.

Вы, вероятно, удивляетесь: почему такое запоздалое поздравление? Дело в том, что Зильберштейн⁴ преподносит этот том всем, кого считает «нужными людьми», а мне ни за что не хотел дать. Жалел и находил, что мне он совершенно не нужен. Вместе с тем, он уверяет, что был бы рад, если бы в I томе была хоть одна такая хорошая статья, как моя о Баранте во II-м. Каков чудак! Не ведает, что творит. Совершил подвиг, выпустил I том, и воображает, что это — собрание никому не нужных статей, напечатанных только для того, чтобы импонировать солидностью издания.

Он искренне убежден, что вся ценность «Лит<ературного> наследства» в новых публикациях писем, мемуаров и документов. Не правда ли, очаровательная смесь невежества и энтузиазма. Энтузиаст культуры. Ужасно смешно.

Теперь И.В. Сергиевский отдал мне редакционный экземпляр, и я уже три дня его читаю. Я хочу написать обстоятельный и принципальный разбор. Если мне не удастся его нигде напечатать, я пришлю его Вам. Впрочем, всё равно пришлю. Надо же высказаться, а то, того и гляди, помрешь с печатью на устах.

Желаю Вам здоровья, спокойствия и плодотворной работы.

Э. Герштейн

P.S. В Союз писателей меня не приняли. Это нехорошо и по отношению к Вам, рекомендовавшему меня. Я жаловалась Шкловскому⁵ недавно. Он хотел поднять вопрос о пересмотре, но кажется трудно.

¹ 1-й Лермонтовский том ЛН (№ 43/44) был подготовлен еще до войны и тогда же подписан к печати (на тит. л.: 1941), но вышел только в 1943 г. 2-й Лермонтовский том (№ 45/46) вышел в 1948 г.

² *Эйхенбаум Б.* Литературная позиция Лермонтова // ЛН. Т. 43/44: М.Ю. Лермонтов. I. М., 1941. С. 3–82; *Штокмар М.* Народно-поэтические традиции в творчестве Лермонтова // Там же. С. 263–352; *Виноградов В.* Стиль прозы Лермонтова // Там же. С. 517–628.

³ Имеется в виду статья: *Томашевский Б.* Проза Лермонтова и западно-европейская литературная традиция // ЛН. Т. 43/44: М.Ю. Лермонтов. I. С. 469–516.

⁴ Илья Самойлович Зильберштейн (1905–1988) — литературовед, искусствовед, коллекционер; один из основателей и редакторов серии ЛН.

⁵ Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) — писатель, литературовед, критик, киновед и киносценарист.

15. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 12. VII. 45

Дорогая Эмма Григорьевна!

На днях я видел Анну Андреевну¹ — и она сказала мне, что Вы запрашивали ее обо мне и о Лермонтове (простите за это случайно получившееся сочетание).

Я жив и много «действую», но работаю мало — очень трудна и суетлива жизнь. Бегаю по учреждениям, пишу мелкие статьи (по крайней мере по объему) и стараюсь справиться с тем разрушением, которое война произвела в семье и в психике. Физически здоров — железный.

С Лермонтовым работа пока стоит. Вы, вероятно, знаете, что II том «Лит. насл.<едства>» ожил — готовится к набору. И.С. Зильберштейн писал мне в июне, что том выйдет, может быть, к осени. Что Вы думаете делать дальше? Я несколько растерялся — не знаю, как вернуться. В. Мануйлов² работает над биографией юного Лермонтова (московский период). Что делает Андроников, не знаю — он мне совсем не пишет. У меня в семинаре был интересный доклад одного студента (А.М. Гаркави, родственника Ю.Н. Тынянова³) — об аллегорических стихотворениях Лермонтова. Я, по-видимому, сильно возьмусь за Толстого. Напишите, как складывается у Вас жизнь и работа. Можно ли еще что-нибудь сделать с биографией Лермонтова последних лет?

Будьте здоровы

Б. Эйхенбаум

Ленинград. Канал Грибоедова № 9, кв. 48

¹ Анна Андреевна Ахматова (1889–1966) — поэт.

² Виктор Андроникович Мануйлов (1903–1987) — литературовед, мемуарист, сценарист.

³ Александр Миронович Гаркави (1922–1980) — литературовед; двоюродный племянник писателя и литературоведа Юрия Николаевича Тынянова (1894–1943).

16. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 1 августа 1945
Дорогой Борис Михайлович!

Благодарю Вас за письмо, оно меня тронуло чрезвычайно. Мне очень жаль, что Вы себя чувствуете недостаточно хорошо, хотя это так естественно, потому что потеря Ваша невосполнима¹. Мне очень жаль также, что Вы больше не будете заниматься Лермонтовым — без Вас скучно работать. Я всегда сожалела, что не живу в Ленинграде, среда московских лермонтоведов для меня убийственно удушливо скучна, и мысли мои о Лермонтове гложут и не находят никакого выражения.

Когда я получила Ваше письмо, я была больна и ждала выздоровления, чтобы написать Вам, что мне хотелось бы у Вас в Ленинграде защищать мою кандидатскую диссертацию, и просить Вас быть моим оппонентом. Но пока я лежала, пришло извещение из ВАК, что мне отказано в освобождении сдачи экзаменов (канд<идатского> минимума). Таким образом, предоставив готовую перепечатанную диссертацию, я не имею права ее защищать. Этим завершилось дело, длившееся год. Диссертация моя называется «Из розысканий по биографии Лермонтова» и состоит из 3^х глав: 1) кружок 16, 2) Дуэль с Барантом и 3) Дуэль с Мартыновым. В этой последней главе собраны мои статьи о дуэли, но переработаны и значительно дополнены новыми соображениями и кое-какими материалами. В частности, я касаюсь здесь стихотворений «Дубовый листок» и, как и прежде, «Морской царевны». Поэтому меня очень интересует доклад Гаркави об аллегорических стихотворениях Лермонтова. Здесь же уточнен и развит взгляд на последний период пребывания Л<ермонтова> в Петербурге в биографическом плане.

За эти годы я мало сделала нового, но очень много читала, и мысли мои о Лермонтове обогатились и приняли другое направление. В частности, мне пришлось много заниматься журналами 30^х гг. и это дало мне возможность раскрыть ряд скрытых полемических адресаций Лермонтова в «Сашке», «Тамб<овской> казнач<ейше>» и др. и установить такое количество реминисценций, что можно по

ним установить закон лермонтовских реминисценций, как сознательный полемический прием, последовательно проводимый. В «Герое нашего времени» их множество.

Мои предыдущие работы по изучению среды и биографии Лермонтова и то новое, что я Вам сейчас изложила, привели меня к необходимости написать работу о «Герое нашего времени». В голове моей она уже готова, нужно только засесть и сделать. Я убеждена, что Вашими трудами, и работами о прозе Лермонтова, Л.Я. Гинзбург², В. Виноградова и Б.В. Томашевского уже проложен верный, даже не верный, а истинный путь к пониманию романа Лермонтова. Я почувствовала себя в силах объединить эти труды, на которые я училась, некоторыми выводами, которые еще не сделаны.

Из всего этого следует, что мне жизненно необходимо сделать книгу³. На этот предмет в Гослитиздате с декабря месяца лежит рукопись моей незащищенной диссертации, уже отрецензированная Томашевским, Бродским и Розановым⁴. Несмотря на положительные оценки, я рассчитываю на днях получить ее назад, ибо знаю, что новый редактор отдела относится ко мне отрицательно.

Я принимала самое активное участие в восстановлении лермонтовской выставки⁵. К величайшему удовольствию Н.П. Пахомова в этом варианте выставки Ираклий не принимал никакого участия. Ираклий здесь, ходит с палкой, лежал полгода в госпитале. Он пренебрегает слишком многими людьми, это превращается уже в линию поведения.

На днях меня взволновала Л.К. Чуковская⁶ рассказом о сделанном ею сценарии «Княжна Мэри» Вообще я мало интересуюсь сценариями, но она строила его на подтекстах лермонтовского романа. Когда она даст мне прочесть сценарий, я узнаю, получилось ли у нее так хорошо, как она рассказывает.

В день открытия выставки выяснилось, что Вам не послан приглашающий билет. Это — шутки секретариата Литературного музея. Не представляется никакой возможности преодолеть снисходительность работников этого секретариата к самим себе.

В Москве было двое людей, особенно радовавшихся Вашему награждению орденом. Это Марья Абрамовна Белкина⁷ и я. Трудно объяснить, почему наша искренняя радость не выразилась в поздравительной телеграмме.

Мне бы очень хотелось жить и работать в Ленинграде. Но, имея степени, я теперь уже не решаюсь обращаться к Вам с этим громоздким вопросом.

Мое бытовое устройство из рук вон плохо.

Вот, Борис Михайлович, подробный отчет о моей жизни и делах. Ваше теплое милое письмо дает мне право на такой длинный ответ.

Желаю Вам всего наилучшего и главное плодотворной работы над Толстым.

Жму Вашу руку

Э. Герштейн

Москва 54 Щипок 6/8, кв. 17. тел. В1-43-39

¹ Речь о пропавшем без вести на фронте сыне Эйхенбаума — Дмитрие Борисовиче (1922–1943).

² Лидия Яковлевна Гинзбург (1902–1990) — литературовед, писательница.

³ Эта книга вышла много лет спустя: *Герштейн Э.* «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Л.: Худ. лит., 1976. (Массовая ист.-лит. б-ка).

⁴ Иван Никанорович Розанов (1874–1959) — историк русской поэзии, библиограф, книговед.

⁵ См. примеч. к письму 8. Выставка была восстановлена в июле 1945 г.; к этому событию, видимо, были приурочены награды ученым-лермонтоведам, в том числе Б.М. Эйхенбауму, награжденному 10 июня 1945 г. орденом Трудового Красного Знамени.

⁶ Лидия Корнеевна Чуковская (1907–1996) — поэт, прозаик, критик; написанный ею сценарий реализован не был, фильм «Княжна Мери» (1955) поставлен И. Анненским по собственному сценарию.

⁷ Мария Абрамовна Белкина, литературовед, была аспиранткой в ИМЛИ им. Горького в конце 1930-х гг.

17. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 9 января 46 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Извините меня за то, что пишу на открытке, но мне хотелось бы осведомиться, получили ли Вы мое большое письмо, посланное в ответ на Ваше в конце лета.

Мне известен только Ваш отзыв И.В. Сергиевскому о моей работе о дуэли. Ваши замечания меня огорчили, потому что я знаю, что они справедливы.

Обо всем этом и многом другом мне хотелось бы Вам написать, но мешает неизвестность: то ли Вам нечего было мне отвечать, то ли Вы слишком заняты, то ли Вы не получили мое письмо. Простите за настойчивость.

Э. Герштейн

18. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 22 января 1946 г.

Дорогая Эмма Григорьевна! Если Вы спрашиваете меня о том письме, в котором Вы сообщали мне о своих неудачах по диссертационным делам, то я его получил. Неужели не ответил? Помню, что мысленно ответ был готов, но бывает, что не соберешься написать. Возможно, что так вышло — извините. Я тогда хворал и был вообще в несколько раздерганном состоянии, в котором пребываю сейчас довольно часто. Много суеты и волнений, а работать удается мало, и далеко не всегда веселит эта работа, <отому> ч<то> нет настоящей среды, настоящих толчков. Напишите, как Ваши дела и как работа. Мне это очень интересно. Я сижу над Толстым. Заново передумываю многое из того, о чем думал раньше, а многое и совсем впервые. Не знаю, что выйдет из этого на бумаге и выйдет ли.

Жду письма. Будьте здоровы!

Б. Эйхенбаум

19. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 11 марта 1947 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Только на днях я узнала о понесенной Вами утрате¹. Мне так больно стало за Вас.

Не слишком ли много ударов?

Как же Вы живете теперь? Я слишком мало знаю Вашу жизнь, чтобы иметь право об этом спрашивать, но невольно с грустью задумываешься о судьбе человека, с которым так глубоко связан один из самых интересных периодов моей жизни. Теперь это уже тоже далекое прошлое.

Хорошо жить со своим прошлым, как Лев Толстой. Помните, он удивлялся: «как всё прошедшее становится мною. Оно во мне, как какая-то сложенная спираль»². Как бы я хотела, чтобы и Вы могли достичь такой крылатости!

Крепко жму Вашу руку

Э. Герштейн

¹ Смерть жены Б.Э. Раисы Борисовны Эйхенбаум, урожд. Брауде (1890–1946).

² Цитата из разговора Л.Н. Толстого в записи А. Гольденвейзера от 1 августа 1905 г.

20. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 16 марта 1947 г.

Дорогая Эмма Григорьевна!

Спасибо Вам за Ваше хорошее письмо. Да, судьба потратила на меня много сил за последнее время, но у меня тоже еще есть силы. «Мы поспорим и помужествуем (именно так!) с ней»¹. Настоящее горе или разбивает или делает крепче. Первый удар (исчезновение сына на фронте) сильно разбил меня; второй, кажется, заставил собрать заново все силы. Пришла старость, личные многие мечты и желания не осуществились — попробуем говорить с судьбой другим языком. Она отняла у меня почти всё дорогое — кроме мысли и работы.

Я пишу большую новую книгу о Толстом (обо всем Толстом)², которую надеюсь закончить в 1948 г. Живу с дочерью и с внучкой³ — это меня спасает. Мы очень любим друг друга, дома хорошо. Я работаю целые дни с большим увлечением. Да, Толстой сказал хорошо: «сложенная спираль». Как хорошо, что Вы заметили это и написали мне. Это очень умно и верно. Мне кажется, что это чувство «спирали» (пружины) есть и у меня — прошлое было богато.

Хочу Вам кстати сказать, что скоро (в мае) будет защита одной диссертации по Лермонтову моего ученика, Э. Найдича⁴ — о юношеской лирике. Он сделал кое-что интересное и важное для общего понимания, а кое-что и для отдельных стихотворений. Очень жду Вашей работы во II томе «Лит. наследства».

Будьте здоровы!

Б. Эйхенбаум

¹ Цитата из стихотворения Н.М. Языкова «Пловец».

² К началу 1940-х гг. Б.Э. написал четыре книги о Л.Н. Толстом, каждая из которых была посвящена творчеству писателя в определенный период времени (см. письмо 9).

³ Дочь Ольга Борисовна, в замуж. Апраксина (1912–1999) и внучка Елизавета Алексеевна Апраксина, в замуж. Даль (1937–2003).

⁴ Эрик Эзрович Найдич (1919–2014) — литературовед, библиограф.

21. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва. Июнь-сентябрь? 1947 г.>

Дорогой Борис Михайлович!

Поздравляю Вас с находкой Лермонтовской тетради¹. Мне показывал ее Н.П. Пахомов, и я с нетерпением жду опубликования

вариантов. Думаю, что эта радостная эпопея помешала Вам выполнить обещанное мне — написать о моих диссертационных делах² и известить о времени Вашего проезда через Москву. Но тем не менее я очень огорчена, пребывая в неизвестности. О чем и имею смелость Вам доложить. Привет. Э. Герштейн

Письмо датируется исходя из времени приобретения рукописной тетради Лермонтова Пушкинским Домом.

¹ Речь идет о так называемой «Казанской тетради Лермонтова», представляющей собою часть рабочей тетради поэта 1832 г. и содержащей тексты стихотворной повести «Литвинка» и девяти петербургских стихотворений; куплена 25 июня 1947 г. Рукописным отделом Пушкинского Дома у казанского жителя Я.М. Лопаткина (см.: *Эйхенбаум Б.* Казанская тетрадь Лермонтова // ЛН. Т. 45–46: М.Ю. Лермонтов. II. М., 1948. С. 3–10).

² Э.Г. хлопотала о том, чтобы защитить диссертацию о Лермонтове в Ленинграде, и обращалась за содействием к Б.Э.; диссертацию не удалось защитить ни в Москве, ни в Ленинграде.

22. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 24 сентября 1947 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Я очень прошу Вас меня известить, какова судьба моей диссертации. Я буду в октябре в Ленинграде и, если есть какая-либо возможность провести всё это дело в Ленинграде, мне надо знать, какими запастись бумагами.

Простите меня за лаконизм и не примите его, пожалуйста, за резкость. Ваше молчание сбило меня с тона.

Уважающая Вас Э. Герштейн

23. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 30 сентября 1947 г.

Дорогая Эмма Григорьевна! Ваша записка повергла меня в изумление. Я помню, как писал Вам о своем разговоре с П.Н. Берковым¹ — т.е. о том, что для защиты диссертации у нас Вам надо подать в деканат факультета заявление, в котором мотивировать желание закончить кандидатский минимум и защитить у нас теми или другими причинами — обстоятельствами жизни или чем-либо другим. Я писал Вам, что, по словам П.Н. Беркова, это можно устроить. — Таким образом, я не молчал, а удивлялся, что от Вас ничего нет. Видимо, письмо мое пропало? Очень досадно. — Я думаю, что

«Бумага» Вам надо привести как можно больше, но основное — документ о сдаче тех предметов, которые Вы сдали, и заявление. Может быть — еще бумагу о том, что то учреждение, в котором Вы начали держать, не возражает против того, что Вы хотите заканчивать в ЛГУ.

Будьте здоровы!

Б. Эйхенбаум

На почтовой открытке.

¹ Павел Наумович Берков (1896–1969) — литературовед, библиограф, книговед, историк литературы.

24. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 7 декабря 1947 г.

Дорогая Эмма Григорьевна!

Зная мою жизнь, Вы не осудите меня за маленькую задержку; но хуже то, что третью главу (дуэль с Мартыновым) я успел только просмотреть. Первые две прочитал внимательно. Раньше-то я читал всё, но не с точки зрения «оппонента».

Вот мои соображения

О «Думе» (стр. 37–38) надо бы теперь сказать еще что-то или иначе.

С Браницким (как я говорил) надо что-то сделать, чтобы его биография не была такой одиозной — или уж, наоборот, третировать его как каналью.

Стр. 17. А.А. Столыпин вряд ли принял бы участие в суде — не такой был человек; Вы судите как современный человек.

Стр. 27. Думаю, что и Фредерикса не следует причислять к «тем немцам» и пр.

Стр. 71. «Кружок 16» и славянофилов нельзя называть «двумя течениями»: явления несравнимые по масштабу.

Стр. 80–81. Почему Вы не говорите здесь о Хомякове? (Рисунок в альбоме и пр.).

Стр. 84. Неясно, почему Печорин — «прямой наследник петровской реформы»? И верно ли это?

Стр. 88. Неясно, что значит «газета демократического направления»¹ — тем более, что эта газета была, и вопрос о появлении в ней перевода «Героя нашего времени» — интересная проблема. Тут же «любопытно» — не то слово.

Стр. 96. Почему Theodor Wehl — Федор Вейль?

О Бахерахт — слишком много, слишком «элегантно» (немножко вроде Л.П. Гроссмана²) и кое-где непонятно, поскольку в общем она производит впечатление взбалмошной авантюристки.

Стр. 118. О стих. «На светской цепи» — вдруг и, вообще, эти страницы написаны как-то беспорядочно.

Стр. 125. Почему ни слова о «Посл<еднем> новоселье»?

Стр. 127. «Незамеченному» — преувеличено.

Стр. 128. «Сказка для детей» должна датироваться 1840-м годом — у меня об этом в примечании в «Ученых записках ЛГУ», № 87 (Саратов, 1943).

Стр. 134. Барант мог обратиться с письмом к Тьеру только после 1 марта 1840 (Тьер стал министром иностранных дел), т.е. после дуэли. Это важно учесть. О Барантах как-то чересчур густо и скачками.

Стр. 166. Надо ли так пышно о «национальном сознании» и пр.?

Стр. 168. С Мартыновым — неточность.

Стр. 214. Всё о «Бесах» надо убрать в особое примечание или приложение.

Так занят и так устал от всяческих дум и впечатлений, что на этом кончу. Жду Ваших сообщений о дальнейшем и желаю Вам всего, всего хорошего!

Ваш Б. Эйхенбаум

Письмо представляет собой отклик на диссертацию Э.Г. и список замечаний к ее тексту; по-видимому, на каком-то этапе определенно предполагалось, что Б.Э. будет оппонентом на ее защите.

¹ Из этого письма неясно, о каком издании идет речь; продолжение темы см. в письме 30 и в примеч. к нему.

² Леонид Петрович Гроссман (1888–1965) — писатель, пушкинист.

25. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 2 января 1948 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Поздравляю Вас с Новым Годом и желаю ясного настроения в этом году. Благодарю Вас за Ваши важные для меня замечания. Но я получила их только на днях, т.к. мои друзья ждали okazji для пересылки рукописи. Поэтому я еще не успела ориентироваться, много ли мне нужно работать над ней. Я очень сейчас занята в связи с музеем Белинского¹, [нрзб] это все-таки не дает мне регулярного заработка,

не бросаю мысли о П<ушкинском> Д<оме>². А как там, есть ли перспективы? Я очень интересуюсь этим. Простите за краткость, но мой почерк не приспособлен к открыткам. На днях я напишу Вам письмо. Э.Г.

На почтовой открытке.

¹ Возможно, речь идет об участии Э.Г. в создании экспозиции в здании Чембарского уездного училища в городе Чембаре, переименованном в юбилейный год (100-летие со дня смерти В.Г. Белинского) в город Белинский; экспозиция была открыта в 1948 г.

² Э.Г. думала о переезде в Ленинград и о работе в Пушкинском Доме, в 1948 г. она прилагала к этому определенные усилия.

26. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 24 марта 1948 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Я всё еще только собираюсь написать Вам письмо с отчетом о моих диссертационных делах и планах и с выражением моего благодарного и дружеского чувства к Вам.

Пока ограничусь сообщением голых фактов.

Диссертация еще не переделана.

Статья о дуэли с Барантом для «Лит. наследства»¹ переработана.

Дружу с Ираклием.

Жажду обо всем рассказать Вам лично и обменяться разными впечатлениями.

Я так этого хочу, что, кажется, приеду в Ленинград, не дожидаясь диссертации.

Желаю Вам всего хорошего, бодрости

и интереса к жизни. 2 последние пункта, кажется

Вами выполняются.

Э. Герштейн

¹ См. примеч. 1 к п. 6.

27. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 17 ноября 1948 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Извините меня, пожалуйста, что я не попрощалась с Вами. Я была занята добыванием билета, перед праздником это было

трудно, телефона под рукой не было, и я так и уехала 6.XI. Вопрос о моем переезде уперся в квартиру, и я теперь здесь занимаюсь вопросом о возможности обмена. С большим сожалением покидала я Ленинград. И среди ленинградских впечатлений беседы с Вами вспоминаются как что-то светлое, теплое и уютное. Очень мне было у Вас хорошо. Как Вы себя чувствуете? Наладились ли сон и труд? Как принимается лермонтовский том?

Привет Ольге Борисовне и Лизе.

Желаю Вам всего хорошего.

Э. Герштейн

28. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 23 октября 1951 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Извините, что я после такого большого перерыва в нашей переписке сразу обращаюсь к Вам с просьбой. Но я сейчас не могу написать Вам письмо, которое выражало бы мои истинные чувства к Вам — всегда неизменно дружественные, а дело у меня очень срочное.

Мне почему-то так не везет в библиотеках, что я никак не могу получить тот выпуск (саратовский) Ученых Записок ЛГУ, где напечатана Ваша статья о «Сказке для детей»¹. Нет ли у Вас лишнего экземпляра? А если есть, не затруднило бы Вас мне его выслать? Сейчас пойдет в набор моя статья о «Тамбовской казначейше»², я ее оторвала от общей статьи о полемике с Булгариным³. В новой редакции я кое-что добавляю о «Сказке для детей» и мне бы очень не хотелось миновать последнее Ваше мнение об этой повести. А я так его и не узнала.

Надеюсь, что Вы чувствуете себя хорошо. По крайней мере, мне всегда так о Вас рассказывают.

И. Андронников выпустил бесспорно плохую книгу⁴.

Желаю Вам всего хорошего!

Буду бесконечно Вам благодарна, если Вы пришлете мне эту книгу*.

Может быть с возвратом? Только чтобы прочесть.

С сердечным приветом

Э. Герштейн

* не книгу Андронникова, а Вашу статью.

¹ См. п. 28.

² Герштейн Э. «Тамбовская казначейша» // ЛН. Т. 58: Пушкин; Лермонтов; Гоголь. М., 1952. С. 401–405.

³ Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859) — писатель, журналист, издатель (совм. с Н.И. Гречем) газеты «Северная пчела» (1825–1859) и журнала «Сын Отечества» (1825–1840).

⁴ Речь о книге: *Андроников И.* Лермонтов. Новые разыскания. [М.], 1948.

29.. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 27 октября 1951 г.

Дорогая Эмма Григорьевна!

Я всегда с радостью готов выполнить любую Вашу просьбу, но в данном случае я бессилён — просто потому, что никакой статьи о «Сказке для детей» у меня не было и нет. Это — какое-то библиографическое недоразумение. В саратовском выпуске «Ученых записок» напечатана моя статья — «Общественно-политические декларации Лермонтова»: это кусок из большой статьи, напечатанной в Лермонтовском томе «Лит. наследства», с очень немногими отличиями от нее. Здесь речь идет о стихотворениях: «Дума», «Поэт», «Не верь себе», «Журналист, читатель и писатель», «Родина», «Последнее новоселье». О «Сказке для детей» сказано только в примечании к цитате из ее чернового текста:

Меж тем о благе мира, чуждых стран

Заботимся, хлопочем мы не в меру и т.д.

Эти строки я цитирую в связи с вопросом о «Последнем новоселье», — и именно здесь есть то, чего нет в «Лит. наследстве». Я пишу: «Лермонтов понимал, что вопрос о перенесении праха Наполеона, поднятый Тьером в мае 1840 г., был подсказан не желанием восстановить и увековечить память о великом человеке, а совсем другими соображениями и мотивами. Франция пережила очень острый момент — как внутри, так и вовне, и 1840-й год был в этом отношении почти катастрофическим. Международная политика Тьера, возглавлявшего министерство с 1-го марта, привела к изоляции Франции в вопросе о турецко-египетском конфликте и к объединению Англии с Россией! Франция бряцала оружием, но объявить войну не решалась. В итоге вопрос был решен без ее участия — к великому удовольствию Англии и России, стремившихся именно к такому исходу. Для Франции этот исход был совершенным позором, небывалым в летописях ее истории. Надо

сказать, что Лермонтов был, очевидно, хорошо осведомлен обо всех этих международных делах и отношениях — гораздо лучше, чем Хомяков».

Тут следует цитата из «Сказки для детей» (где говорится о Тьерре) — и затем я продолжаю: «Турецкий султан Махмуд, вступивший в борьбу с восставшим против него египетским пашой Мехмет-Али, умер 30 июня 1839 г.; новый султан, юный Абдул-Меджид, продолжал эту борьбу. Франция, в отличие от всех других европейских держав, поддерживала пашу. Это положение, приведшее к полному падению международного значения Франции, отразилось в цитированных строках Лермонтова». К этому месту — примечание: «На основании этих строк можно, между прочим, довольно точно датировать “Сказку для детей”. Старый султан умер в 1839 г., но Тьер вступил в министерство и возглавил его 1-го марта 1840 г., и вышел 29 октября того же года. “Сказка для детей” была, значит, написана в 1840 г., но не раньше марта, т.е. уже после дуэли с де Барантом» (Ученые записки ЛГУ, № 87. Серия гуманитарных наук. Саратов, 1943, стр. 170).

Вот всё, что Вам может пригодиться.

Физически я вполне здоров; душевно — не очень.

Очень тоскую и трудно работаю.

А книга Ираклия — не столько даже плохая, сколько противная. Я не могу ее читать.

Будьте здоровы! Очень радуюсь, что Вы работаете, и очень интересуюсь.

Ваш Б. Эйхенбаум

30. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

1 января 1957 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Поздравляю Вас с Новым годом! Очень хочу, чтобы в этом году вышло из печати что-нибудь самое главное для Вас и для нас. Чтобы слышен был новый голос современного Эйхенбаума. А проще сказать, я очень интересуюсь, что Вы нам расскажете о Л. Толстом, и когда это выйдет.

Меня приняли в Литфонд. Уф! Это было трудно. Сообщаю Вам об этой некоторой перемене в моей судьбе, ~~потому~~ ~~что~~ и Вы участник этого дела.

Борис Михайлович, а кто первый сказал, что в Долохове есть черты Р. Дорохова? Сам Л. Толстой, небось, нигде не упоминает это имя? Я тут нашла кое-какой материал про Дорохова, и нигде не могу найти первоисточник. Кроме как «говорят» ничего нет.

Жму Вашу руку и желаю Вам всего наилучшего.

Э. Герштейн

31. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 23 апреля 1959 г.

Дорогая Эмма Григорьевна!

Набралось сразу столько срочной работы, что я напишу Вам сейчас только об интересующем Вас финансовом вопросе. В Лениздате¹ работает одна моя бывшая ученица, очень милая женщина (она — редактор в литературном отделе). Я обратился к ее помощи; она переговорила с заведующей краеведческим отделом (по которому идет Ваша книга), без суждения которой директор не волен вынести решение, — и тут произошло нечто странное. Эта мадам заведующая заявила, что «Эйхенбаум уже опоздал», что были уже ходатайства об авансе со стороны Западова² и К.И. Чуковского («целое послание»). Казалось бы — ничего дурного или «подозрительного» в этом нет? Но у мадам — женская логика: «почему такой шум?» И вот — предложение: гарантийного письма от издательства не нужно, потому что, мол, договор представляет собою достаточную для Литфонда гарантию; а есть, мол, другой путь: Эмма Григорьевна говорила, что у нее весь материал собран и что книга почти готова. Пусть она представит, как образец, какую-нибудь часть — и Лениздат переключит безавансовый договор на авансовый. Мадам почему-то боится, что Вы напишите не популярную книгу для массового читателя, а академическую «диссертацию».

Они там, по-видимому, чем-то раздражены: насколько я понял — тем, что договор на «ленинградскую тему» заключен (под чьим-нибудь нажимом?) с москвичкой. Не знаю наверно, так ли это, но мне так показалось. Вот и весь результат моих дипломатических переговоров.

Ваша статья³ очень интересна и убедительна, но остается неясным вопрос относительно стих<отворен>ия А.А. Углицкой⁴: почему в 1841 году явился опять этот «мятлевский» стих?

Очень интересно мне, что Вы скажете об этом наполовину загадочном (особенно при наличии картинки) «Жур<налисте>»,

читателе» и писателе». Тайна? Бывает, что приходится временно скрывать — особенно в наше время, когда рвут из рук и портят.

Всего хорошего!

Ваш Б. Эйхенбаум

¹ Э.Г. намеревалась выпустить в Лениздате книгу о Лермонтове по материалам своей диссертации, защита которой так и не состоялась; в этом ей помогали А.В. Западов, К.И. Чуковский и Б.М. Эйхенбаум.

² Александр Васильевич Западов (1907–1998) — литературовед, писатель.

³ Герштейн Э. «Мятлевские» стихотворения Лермонтова // Вопросы литературы. 1959. № 7. С. 170–173.

⁴ Речь о стихотворной шутке Лермонтова, посвященной его родственнице Александре Александровне Углицкой, в замуж. Альбрехт (1822–1862) и написанной по поводу ее предстоящего замужества в апреле 1841 г.; вопрос Б.Э. порожден стилистическим сходством шутки Лермонтова с «макаронической» поэзией И.П. Мятлева, из-за чего он сам в лермонтовском собрании датировал стихи «И.П. Мятлеву» и «Любил и я в былые годы...» 1841 г.; см. п. 32, из которого следует, что датировку Герштейн (1840) Эйхенбаум принял.

32. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 14 мая 1959 г.

Дорогая Эмма Григорьевна!

Ваши слова — «до письма все-таки остается расстояние, трудно преодолимое из-за общей усталости» — относятся и ко мне. Т<ак> ч<то> я Вас прекрасно понимаю. Я так и понял Ваше молчание, а между тем один любезный француз, приехавший к нам в Пушкинский дом, прислал мне сделанный в Парижской национальной библиотеке микрофильм — полный текст перевода «Героя нашего времени» (из “Democratie pacifique”)¹.

Что касается стихотворений «И.П. Мятлеву» и «Любил и я в былые годы», то я передвинул их в 1841-й год не из-за «Радуги» (насколько помню), а из-за замужества А.А. Углицкой, которое совершилось в апреле 1841-го года. Стихотворение, к ней обращенное и написанное по-мятлевски², датируется 1841-м годом (“Quard vous serez Madam”), я решил, что и другие два, связанные с чтением «Курдюковой», относятся к этому времени.

Я думал, что моя заметка о тексте «Героя нашего времени» появится раньше³; седьмая книжка «Вопросов литературы» выйдет не раньше августа, а то и в сентябре — читатели забудут, о чем шла речь. Но и то хорошо!

Ваша передатировка меня радует: эти стихи больше подходят к 1840 году, чем к 1841-му; но, значит, они были написаны в самом начале 1840 года, до дуэли?

Пришлось мне, как я ни отбивался, написать вступительную (фактически — «заключительную») статью о Лермонтове для IV тома подписного издания Акад<емии> наук, поскольку я пообещал Б.В. Томашевскому редактировать этот том (прозу). Кстати: видели ли Вы недавно вышедшее новое издание книги Томашевского («Писатель и книга») с моей статьей-некрологом — «О текстологических работах Б.В. Томашевского»?⁴

Пришлось вспомнить старину!

У меня в планах книга — «Основы текстологии», но до того — представьте! — книга о Лермонтове⁵. В прошлом году я написал большую работу о «Герое нашего времени» (часть ее появится осенью в нашем пушкинодомском журнале «Русская литература») ⁶, а до того — о драмах Лермонтова⁷. Хочу соединить это в дополненном виде в книгу — и, конечно, надо еще написать о лирике. Поэмы я, кажется, обойду — не очень их люблю*.

До 20-х чисел июня буду в городе, а потом уеду в Эстонию, в так называемую Усть-Нарву, к морю!

Как хорошо, что статья Дружинина напечатана!⁸ Это — большое дело. Конец моей вступительной статьи опирается на эту публикацию — и на то, что Вы сказали в статье (о Дорохове).

Будьте здоровы! Надеюсь, что увижу Вас?⁹ Мне бы очень хотелось побеседовать с Вами о «Не верь себе» и «Журналист, читатель и писатель».

Всего Вам хорошего!

Б. Эйхенбаум

* В них есть какое-то напряжение усталых мышц, — что-то очень нерусское, какая-то борьба с западом.

¹ «Démocratie pacifique» — журнал, основанный в Париже писателем Альфонсом Туссенелем (Toussenel; 1803–1885); перевод «Героя нашего времени», выполненный А.А. Столыпиным (Монго), появился в нем в 1846 г. См. в п. 23 замечание об этом журнале-газете.

² В начале 1840 г. И.П. Мятлев приехал в Петербург и забавлял общество чтением своей макаронической поэмы «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границею, дан л'этранже»; под влиянием этой поэмы Лермонтовым написаны три стихотворения. Герштейн в статье «“Мятлевские” стихотворения Лермонтова» уточнила даты написания двух из них — «И.П. Мятлеву» и «Любил и я в былые годы...»: 1840 год; см. примеч. к п 29.

³ См.: *Эйхенбаум Б.* О тексте «Героя нашего времени» // Вопросы литературы. 1959. № 7, июль-авг. С. 168–170.

⁴ См.: *Эйхенбаум Б.М.* О текстологических работах Б.В. Томашевского // Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959. Б.В. Томашевский погиб летом 1957 г.

⁵ Реализацией этих планов стала книга статей, изданная посмертно: *Эйхенбаум Б.М.* Статьи о Лермонтове. М.–Л., 1961.

⁶ См.: *Эйхенбаум Б.* О смысловой основе «Героя нашего времени» // Русская литература. 1959. № 3. С. 8–27.

⁷ Возможно, частью большой работы о драмах Лермонтова была статья: *Эйхенбаум Б.* «Испанцы» Лермонтова как политическая трагедия // М.Ю. Лермонтов. Сб. статей и материалов. Ставрополь, 1960. С. 45–56.

⁸ Речь о статье критика Александра Васильевича Дружинина (1824–1864) «Сочинения Лермонтова. Издание С.С. Дудышкина. СПб, 1860 года», см.: Новый источник для биографии Лермонтова: Неизвестная рукопись А.В. Дружинина / Статья и публ. Э. Герштейн // ЛН. Т. 67: Революционные демократы: Новые материалы. М., 1959. С. 615–644. В статье Э.Г. обращает внимание на рассказы о Лермонтове Руфина Ивановича Дорохова (1801–1852), знаменитого бретёра, с которым Дружинин встречался на Кавказе и который поведал ему свою историю последней дуэли Лермонтова.

⁹ Герштейн приезжала в Ленинград в июле 1959 г.

33. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Усть-Нарва. 30 июня (?) 1959 г.>

Дорогая Эмма Григорьевна!

Я обещал теперь же написать Вам о новой Вашей работе — «Романтическая любовь Лермонтова»¹; исполняю это обещание, хотя заранее скажу, что это исполнение оказалось нелегким. Ваша работа требует внимательного обдумывания и перечитывания, а Вы ведь скоро уедете²; притом я взялся за свою работу, а это мешает понимать чужую мысль.

Итак, простите за краткость и, может быть, неосновательность.

Я ценю исследования «прототипности», если они приводят к переосмыслению текста, к обнаружению «цикла» — к литературным или философским выводам, которых раньше не было сделано. В первом разделе Вашей работы это есть — и достаточно убедительно. Впрочем, отнесение стих<отворен>ия «Как небеса твой взор блистает» к С.М. Виельгорской вызывает некоторое сомнение, поскольку оно слишком окрашено «кавказским» колоритом. Странно было бы предложить Софье Михайловне «за звук один волшебной речи» — грузинский булат; и при чем здесь «бранная жизнь»? Это тем более странно, если сей «булат» — тот самый, который был поднесен Лермонтову «в минуту расстава-

ния», со слезами — «любви залог немой». Получается как-то неладно! Не очень убедительно и то, что цитата из «Большого света» — пародия на строфу из стихотворения «Есть речи»: слов «и пламень и свет» слишком мало для такого утверждения. А самое это стихотворение может быть обращено и к Щербатовой³ — у нее слова «исполнены тайны» (кстати — глаза у нее «прозрачны и сини»).

Мне кажется, что С.М. Виельгорскую-Соллогуб хорошо ввести в комментарий к некоторым стихотворениям, но надо ли делать это с такими подробностями и даже (как мне кажется) натяжками? Дает ли это что-нибудь существенно новое для биографии? А для понимания стихотворения — очень мало, потому что не только действительность определяет творчество, но и наоборот — стиль отношений и чувств определяется стилем эпохи.

Еще мне кажется, что никак нельзя в такой работе уступить место боя Ираклию и отделаться кокетливым «Может быть... не знаем...». Это одна из бессмыслиц, на которых он по-восточному любит стоять. Можно ли о живой Лопухиной⁴ говорить, что сказано в стихотворении (лист 20) «Нет не тебя так пылко я люблю»? «В устах живых — уста давно немые» — это же о мертвой! «Глаза, ныне закрытые навеки» — тоже! А пока не снято, что это стихотворение обращено к С.М., нельзя уверенно строить весь цикл.

Что касается «Штосса», то многое кажется мне запутанным, небезидельным, лишним. Я бы поступил иначе: написал бы отдельные этюды, посвященные 1) лирическому циклу, в котором можно видеть общее начало — личность С.М. Виельгорской (но с тем, чтобы так или иначе решить проблему «Нет, не тебя»); 2) анализ повести «Большой свет» в отношении конкретных намеков и 3) наблюдения над «Штоссом» (злободневность, намеки на известные факты и проч.). Ведь при анализе «Штосса» нельзя обойти и то, что рассказала Ростопчина⁵ и в связи с чем возник естественный вопрос — «Уже не пародия ли он?» Это тем более естественно, что у Лермонтова очень часто скрыта пародия — и в самой серьезной оболочке. Я, например, пришел к выводу, что в «Тамани» есть глубочайшая и очень едкая пародия на Гете.

Ну, вот и всё. Учтите, что на сей раз Ваша работа, по своей направленности, очень «женская», а во мне говорит мужское недоверие к такого рода темам и проблемам — извините!

Как Ваши дела с Лениздатом?⁶ Я здесь уже начал трудиться — тем более, что новый циклон кинул меня с пляжа прямо к письменному столу.

Будьте здоровы! Анне Андреевне — если увидите ее — глубокий привет.

Ваш Б. Эйхенбаум

Номер нашей дачи оказался не 16, а 18. Я буду здесь до 20-х чисел августа.

Ленинград. Ул. Красной конницы, д. 4, кв. 3.

Анне Андреевне Ахматовой для Эммы Григорьевны Герштейн
Усть-Нарва Эстонской ССР. Улица Вильде, д. 18.

Датируется по почтовому штемпелю на конверте — 1.7.59.

¹ Эта статья о С.М. Виельгорской не была опубликована, но позднее использовалась Герштейн в работе над книгой «Судьба Лермонтова» (глава «За страницами Большого света»). С именем графини Софьи Михайловны Соллогуб, урожд. Виельгорской (1820–1878), связывают несколько лирических стихотворений Лермонтова.

² В июле 1959 г. Э.Г. гостила в Ленинграде.

³ Марией Алексеевной Щербатовой, урожд. Штерич (ок. 1820–1879), Лермонтов был увлечен в 1830–1840 гг., ей посвящены стих. «Молитва» («В минуту жизни трудную...») и «М.А. Щербатовой».

⁴ Варвара Александровна Лопухина, в замуж. Бахметева (1815–1851) — одна из самых глубоких сердечных привязанностей Лермонтова; ей посвящен большой цикл стихотворений.

⁵ Евдокия Петровна Ростопчина, гр., урожд. Сушкова (1811/12–1858) — писательница; в юности Лермонтов увлекался ею; в последний свой приезд в Петербург зимой 1841 г. он много и дружески общался с нею; ей посвящено стихотворение «Графине Ростопчиной» («Я верю: под одной звездой...»).

⁶ Книга Герштейн о Лермонтове (по материалам ее диссертации) в Ленинграде издана не была; в 1964 г. в Москве вышла ее книга «Судьба Лермонтова» (М.: Сов. писатель, 1964. 496 с.).

34. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

5 октября 1959 г.

Дорогой Борис Михайлович!

С самого лета мне хотелось выразить Вам мои теплые чувства и благодарность за чтение моей рукописи. Но мне мешало то, что вы ее отвергли. Я постаралась начисто ее забыть, а вместе с ней искусственно отодвинуть всё, что с нею связано. Вот такая у меня тонкая душа!

Наконец сегодня только я поняла, что не так обязательно посылать Вам глубокомысленное письмо. Поэтому пишу бессодержательное, зато Вы вспомните, что я Вас глубоко уважаю и люблю.

Э. Герштейн.

P.S. Таня Литвинова мне говорила, что Вы сейчас работаете над Толстым. А что же Лермонтов?

P.P.S. Мою статью я сейчас начинаю переделывать, следуя Вашим советам.

P.P.P.S. В Москве появился молодой человек, который очень интересно говорил о вариантах «Анны Карениной». Его зовут Эдуард Григорьевич Бабаев¹. Он ташкентский педагог и год будет готовить в Толстовском музее диссертацию. О Вас он говорит с благоговением и мечтает Вас посетить, когда будет в Ленинграде. Впрочем, он меня вовсе не просил об этом Вам сообщать, я просто разболталась.

¹ Эдуард Григорьевич Бабаев (1927–1995) — литературовед, текстолог, поэт и мемуарист; в отроческие годы был знаком с А.А. Ахматовой и оставил воспоминания о ее пребывании в Ташкенте в эвакуации.

Литература

Герштейн Э. Дуэль Лермонтова с Барантом // Литературное наследство. Т. 45/46: М.Ю. Лермонтов. II. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 389–432.

Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 537 с.

Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. М.: Худ. лит., 1986. 355 с.

Новый источник для биографии Лермонтова. Неизвестная рукопись А.В. Дружинина / Статья и публ. Э.Г. Герштейн // Литературное наследство. Т. 67: Революционные демократы: Новые материалы. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 615–644.

Эйхенбаум Б. Мой современник: Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб.: ИНАПРЕСС, 2001. 652 с.

References

Eikhenbaum B. *Moi vremennik: Khudozhestvennaia proza i izbrannye stat'i 20–30-kh godov* [My chronicle: Prose and selected articles of the 1920–1930s]. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 2001. 652 p. (In Russ.)

Gershtein E. *Duel' Lermontova s Barantom* [Lermontov's duel with Barant]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 45/46: M.Iu. Lermontov. II* [Literary heritage. Vol. 45/46: M.Yu. Lermontov. II]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1948, pp. 389–432. (In Russ.)

Gershtein E.G. *Memuary* [Memoirs]. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1998. 537 p. (In Russ.)

Gershtein E.G. *Sud'ba Lermontova* [Lermontov's fate]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986. 355 p. (In Russ.)

Novyi istochnik dlia biografii Lermontova. Neizvestnaia rukopis' A.V. Druzhinina [A new source for Lermontov's biography. Unknown manuscript by A.V. Druzhinin], essay and publ. E.G. Gershtein. *Literaturnoe nasledstvo. T. 67: Revoliutsionnye demokraty*:

Novye materialy [Literary heritage. Vol. 67: Revolutionary democrats: New materials]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1959, pp. 615–644. (In Russ.)

“In Moscow there’s nobody to talk about Lermontov with”: Correspondence of Emma Gershtein and Boris Eikhenbaum

© 2019, Alexander Kryukov, Nadezhda Tarkhova

Abstract: The correspondence of Emma Grigoryevna Gershtein (1903–2002) and Boris Mikhailovich Eikhenbaum (1886–1959) is introduced into scientific circulation, being important both for characterizing personalities and scientific methods of two philologists and for supplementing the history of Russian literary criticism of the Soviet period. The correspondence, which lasted for more than twenty years, is an interesting document, which reflected many aspects of its authors’ life, especially their deep scientific interest in Mikhail Lermontov’s life and work. The correspondence gives an idea of many circumstances of its participants’ life, contains information about the events of scientific life in Moscow and Leningrad, about fellow philologists, about preparation of books and articles for publishing, about working on exhibitions and archives of past years. Emma Gerstein’s discover the gradual formation of a profound researcher of Lermontov’s works, who went his own way in philology and had his own voice. The combination of facts, events, individual features gave her the opportunity to reconstruct many realities of Lermontov’s creative life, to reinterpret the content of works, to clarify dates and relations with people. As a rule, Gerstein turns to Eichenbaum with questions and problems regarding her work on the Lermontov theme, where Eichenbaum’s letters, with few exceptions, are just reciprocal.

Keywords: Emma Gershtein, Boris Eikhenbaum, history of literary criticism, Mikhail Lermontov, “Circle of 16”

Information about the authors: Alexander Kryukov, Dr Hab, Professor, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia. E-mail: cardinius@yandex.ru
Nadezhda Tarkhova, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: speranza09@yandex.ru

Citation: Kryukov Alexander, Tarkhova Nadezhda. “In Moscow there’s nobody to talk about Lermontov with”:
Correspondence of Emma Gershtein and Boris Eikhenbaum. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 180–227. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-180-227